

«Работа на телевидении приучила Доброва писать «картинкой», создавать вокруг читателя реальный мир прошлого – осязаемый и понятный».

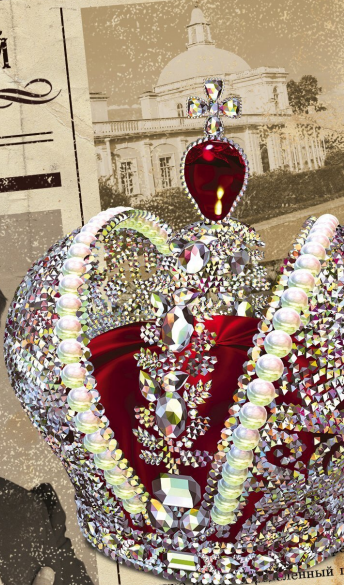
ЗАХАР ПРИЛЕПИН, ПИСАТЕЛЬ

А · Н · Д · Р · Е · Й
ДОБРОВ

МОСКОВСКИЕ · ТАЙНЫ · ДОБРОВА

**СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ЛАБИРИНТ**

важно...
мешок с награбленными после
пристав Архипов все больше
Маши, к которой

Андрей Станиславович Добров

Смертельный лабиринт

Серия «Московские тайны Доброва»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65466291

Смертельный лабиринт:

ISBN 978-5-04-155095-0

Аннотация

1844 год. После смерти знаменитого русского баснописца Ивана Крылова его лечащий врач Федор Галлер неожиданно для себя оказывается втянут в опасную интригу. Чтобы добыть бумаги «Нептунова общества», в котором более века состояли высшие аристократы империи, он должен пройти лабиринт, напичканный смертельными ловушками, построенный еще Абрамом Ганнибалом – «арапом Петра Великого». Но за этими же бумагами охотится Жандармский корпус и агенты британского посла в России барона Ротсея.

В бумагах сокрыт один из самых строго охраняемых секретов императорского двора, опубликование которого может вызвать настоящую революцию даже в «наглухо застегнутой» России Николая Первого. Как и во всех романах Андрея Доброва, наравне с вымышленными героями на страницах действуют реальные персонажи того времени. А правда и вымысел переплетены так прочно, что их порой невозможно различить.

Содержание

Примечание автора	5
Пролог	6
1	9
2	34
3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Андрей Станиславович Добров Смертельный лабиринт

*Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, воззрившись от страха,
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай, – говорит. – Коль ты умней не
будеешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет.
На сей раз Бог простит; но берегись вперед,
И знай, с кем шутишь!»*

И. А. Крылов Басня «Мальчик и Змея» 1819 г.

© Добров А., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Примечание автора

События романа относятся к 1844 году. Все, что происходило раньше, датировано отдельно. Автор сразу предупреждает читателя, что не отвечает за правдивость изложения от первого лица любого из персонажей, поскольку они либо преследуют свои собственные цели, либо вообще не могут рассуждать здраво. Предыдущие события описаны в книге «Чертов дом в Останкино», однако хочу напомнить, что в последней главе одна из героинь там совершенно справедливо заявляет: «Все вами прочитанное – ложь». Так что, если вы не читали «Чертов дом», ничего страшного.

Также должен предупредить: большая часть персонажей «Смертельного лабиринта» – это реально существовавшие люди. Вы можете во время чтения заглядывать в интернет, чтобы в этом убедиться. Равно как реально существовало и «Нептуново общество». Но не стоит использовать этот труд как историческое пособие. Автор старался так переплести историю и вымысел, чтобы создать увлекательное повествование, а вовсе не учебник. Ровно так же автор не старался воспроизвести язык, на котором говорили в конце восемнадцатого или в середине девятнадцатого века. Вся эта книга писалась с единственной целью: чтобы вы начали читать вечером, а закончили следующим утром, даже не заметив, как пролетела ночь. Это единственная награда автору.

Пролог

1826 г. Лефортово

Вверху, на галерее, было темно. А стол внизу сиял свечами. Огоньки отражались в начищенных серебряных приборах, тонком стекле бокалов, гранях хрустальных графинов. Стол на двенадцать человек, за которым сидело теперь только двое – баронесса в неизменно черном, с повязкой на глазу, и граф в старинном парике, надвинутом на самые брови. Чтобы старческие руки не тряслись, он прижал их к коленям.

– Это не повод пренебрегать традицией, – громко сказала баронесса. Девочка лет двенадцати, затаившаяся на галерее, слышала ее очень хорошо – голос бабки был, как всегда, резок и повелителен.

Ненавистный голос.

Бабка поднесла к сморщенным губам белоснежный батистовый платок, прокашлялась и начала ритуал:

– Что есть Россия?

Старик граф подался вперед, приставил ладонь к уху и беспомощно спросил:

– А?

– Что есть Россия? – крикнула через стол баронесса.

Граф закивал головой, откинулся на спинку кресла и прошепелявил:

– Россия есть корабль, на Запад плывущий.

– Что есть народ? – продолжила баронесса.

– Груз, – прошептала девочка на галерее.

– Груз, – эхом отозвался граф.

– Кто есть дворянство?

– Матросы, мичманы и офицеры корабельные.

Баронесса обвела взглядом пустые кресла.

– Кто есть «Общество Нептуново»?

Старик промолчал. Он поморщился и махнул рукой.

– К чему это теперь, Агата Карловна...

– Высшее офицерство корабельное, – прошептала девочка.

– Кто есть капитан корабля? – сказала баронесса уже тише.

– Капитан «Общества Нептунова», – пробормотал старик, – император.

Старуха на другом конце стола помедлила, прежде чем задать последний, положенный ритуалом вопрос.

– Что есть цель?

Ответом была тишина.

Девочка на галерее с презрительной улыбкой наблюдала, как сгорбилась вечно прямая спина ее бабки.

В этот момент слышались шаги. В зал, прихрамывая, вошел невысокого роста худощавый мужчина в партикулярном платье и совсем седой. Девочка попыталась рассмотреть его лицо, но сверху это было сделать невозможно.

– Цель есть движение, – сказал он и посмотрел вверх.

Девочка юркнула за колонну, чувствуя, как сильно колотится ее сердце.

1

Зал Козерога

Лефортово

Доктор Галер резко открыл глаза. Возможно, крик ему просто приснился – как часть кошмара, который он только что видел... Что за кошмар? Проснулся – и стер сновидение одним движением век. Только во рту – отвратительный вкус да тяжесть на сердце. Федор Никитич вытер пот со лба, шумно втянул воздух носом и только собрался перевернуться на бок, как снова закричали. Женщина. Он сбросил одеяло, быстро натянул штаны, запихнул в них подол рубахи, накинул жилет и, босой, выскочил на лестницу. В старом доме было еще темно, но доктор, держась рукой за перила, спустился и по коридору побежал на крик – в сторону гостиной, где совсем недавно он слушал рассказ баронессы. Оттуда шел неяркий свет – вероятно, свечи.

Галер, тяжело дыша, остановился в дверях и уставился на тело, лежавшее на полу. Баронесса так и не переоделась, она по-прежнему была в своем черном платье. Но в свете свечи явно виделся стилет с простой рукоятью, торчавший у нее из груди. Точно в сердце – определил доктор, серьезный удар.

Дородная служанка, в одной рубахе, с накинутым на голо-

ву платком, одной рукой держала свечу, а второй зажимала себе рот, будто испугавшись собственного крика.

– Что случилось? – громко спросил Галер.

За спиной его послышались быстрые шаги.

– Пустите.

Доктора оттолкнули. В гостиную вбежала простоволосая Луиза – тоже в одной рубашке. И остановилась как вкопанная.

– Зарезали, – промычала служанка, не отнимая руки. – Заре... Ох я дура! Дура! Не углядела!

Она оборвала себя на полуслове. Девушка быстро оглянулась на Галера и больше не отрывала от него безумных глаз.

– Вы с ума сошли, – пробормотал ошарашенный Федор Никитич. – Я доктор!

Он сделал несколько шагов вперед и склонился над убитой.

– Посвети! – приказал он служанке.

Удар был действительно точный. Крови вытекло немного. Доктор приложил руку к груди, повыше ножа, потом взял мертвую руку – пульс не прощупывался. Не вставая с корточек, огляделся.

– Зажги еще света, – громко сказал он служанке, – ни черта не видно!

Но та только замотала головой, морщась как будто от боли.

– Тогда вы, – обратился он к Луизе.

Девушка снова посмотрела на него злыми глазами, потом выхватила у бабы свечку из руки.

– Вон те канделябры. – Галер указал на каминную полку, встал и через секунду поисков поднял с нее веер из перьев. Выдернув перо, он вернулся к покойной, наклонился и поднес его к губам баронессы. Перо даже не дрогнуло.

– Не смотрите на меня так, – бросил он Луизе, не оглядываясь. – Мы выходили отсюда вместе, помните? И я сразу пошел спать.

Она вдруг коротко вскрикнула.

– Что?

Галер выпрямился. Луиза коротко мотнула головой:

– Нет, нет!

– Я так понимаю, наше предприятие теперь отменяется, – сказал Федор Никитич. – Надо вызвать полицию. Я составлю бумагу о смерти.

Но девушка повела себя странно. Вместо того чтобы согласиться, она заупрямилась.

– Не отменяется! – Она повернулась к служанке: – Припасы? Возок? Отвечай! Ты сделала все, что велела бабушка?

Бедная баба кивнула и оперлась на каминную полку.

– Вы с ума сошли, – разозлился доктор, – вашу бабку убили! А вы хотите...

– Да. Теперь я – баронесса де Вейль. Все, что вам обещала бабка, я подтверждаю и готова выплатить.

Казалось, Луизу вдруг охватила лихорадка. Она больше

не обращала внимания на мертвую бабу, глядя прямо в глаза Галеру.

– Если уж вам хватило духа ее зарезать, то хватит и для того, чтобы достать бумаги.

– Я не убивал Агату Карловну! – крикнул Галер.

– Все равно! Одевайтесь, и едем!

– А баронесса?

Луиза коротко взглянула вниз.

– Она заранее оставила распоряжения на случай своей смерти.

Он пожал плечами. Галер не мог вернуться в Петербург без денег.

Останкино

– Задержать! Задержать! – кричал всадник в голубом жандармском мундире, врываясь в ворота. Ротмистр Голиков недоуменно взглянул в его сторону, потом быстро перевел хмурый взгляд на доктора Галера, еще не понимая, к кому обращен приказ, кого надо задержать. В этот момент Луиза де Вейль схватила доктора за рукав и рывком втащила в дверной проем.

– Хватай их! – кричал скачущий жандарм, колотя каблуками по бокам лошади.

Последнее, что увидел Федор Никитич, – комья земли, летящие из-под копыт, и бешеные глаза человека, горящие из-

под фуражки. И тут что-то гулко ухнуло под полом, и тяжелая дверь сама собой захлопнулась. Луиза сбросила на пол свою сумку и устало привалилась к стене, тяжело дыша.

– Вот черт, – пробормотал доктор, тоже роняя свой мешок.

Галер огляделся. И так, они внутри Обители. Толстая пыль покрывала пол, и по ней узором струились мышинные следы. Доктор повернулся:

– Вам нехорошо?

Девушка кивнула.

– Думала, здесь будет совсем темно, – сдавленно сказала она.

– Наверное, наверху есть оконца, – ответил Галер. – Скорее всего, глубоко под крышей, с толстыми стеклами, иначе намело бы мусора, да и птицы... Вы бледны...

– Ничего, – ответила девушка и с трудом отлепилась от стены

Света едва хватало, чтобы различать стены зала с барельефами. Потолок, напротив, был ничем не примечателен, кроме спиралевидного рисунка. Доктор посмотрел вниз и указал на пол в центре зала.

– Кажется, там мозаика, отсюда плохо видно. Пыль мешает. Но я не вижу никаких дверей, а такого не может быть.

Луиза, казалось, успокоилась. Ее бурное дыхание и бледность Галер отнес насчет стремительного рывка в двери Обители, прочь от всадника и от странных охранников.

– Барельефы, – Галер указал на фигуры вдоль стен, – возможно, дверь спрятана между ними. Вы можете понять, что они означают?

Луиза лихорадочно осмотрелась.

– Я попробую...

– Надеюсь, вы не боитесь закрытых комнат... – пробормотал Галер.

– Что?

– Я протру мозаику на полу – вдруг она подскажет, как найти дверь.

Он стянул с себя галстук, намереваясь использовать его как тряпку.

– Стойте! – приказала девушка.

– Что?

– Здесь могут быть ловушки.

Галер остановился.

– Чепуха, – сказал он раздосадованно. – Какие ловушки?

Однако мгновением позже он и сам почувствовал приступ тревоги. Галер осторожно сделал два шага по направлению к мозаике в центре зала, ступая по мягкому ковру пыли. Потом остановился и прислушался. Снаружи доносились едва слышные крики – вероятно, прискакавший жандарм разносил ротмистра Голикова и всю его команду.

– Кажется... – неуверенно произнесла Лиза, – это море и остров в нем. Вон там – гора с пещерой.

Доктор медленно направился далее, держа свой галстук в

оставленной руке.

– А вот этот старик на стене слева? У него в руке серп. Может, какой-то эллинский крестьянин?

– Серп? – Луиза быстро повернулась.

Галер сделал еще шаг. До мозаики оставалось всего ничего. Внезапно плитка под его ногой с тихим кляцанием пода-лась вниз. Галер пошатнулся и отдернул ногу, но поздно – далеко внизу под полом послышался гулкий удар. С потолка легким покрывалом слетела пыль, оседая на его волосах. А потом доктор и Луиза услышали негромкий рокот.

– Что вы сделали? – испуганно закричала девушка.

– Ничего, – растерянно ответил Федор Никитич.

Новое облако пыли с потолка заставило его вскинуть го-лову.

– Боже! – вырвалось из груди доктора.

Часть потолка просела, образуя огромный каменный серп. Он со скрежетом начал поворачиваться. Галер обернулся к Луизе, чтобы предупредить ее, и невольно застыл. Девуш-ку била крупная дрожь. Она снова начала дышать так, будто пробежала целую версту. Прижатые к груди кулачки побеле-ли. Выпученные глаза, широко раскрытый рот – при этом она не произносила ни звука. Галер в два прыжка подлетел к ней и, схватив в охапку, ринулся в угол зала – подальше от страшного каменного серпа. Луиза билась в его руках как большая мощная птица. Галер оглянулся – огромный камен-ный серп выдвинулся еще ниже, ускоряя вращение. Тут де-

вушка закричала и метнулась вбок, ударившись головой о стену. И тут же свалилась мешком к ногам Галера. Доктор растерялся.

Серп сделал полный оборот и опустился еще ниже.

Крестовский остров

Федя открыл глаза. Он не пошевелился, даже не вытер холодный пот со лба. Сон был тот же. Отец лежал на простой лавке, его остекленевшие глаза смотрели в закопченный дощатый потолок, редкие седые волосы рассыпались по серой подушке. Мать тихо выла в ногах, схватившись за штанину мертвеца. Ее пальцы, короткие и грубые от постоянной тяжелой работы, держали цепко, будто она хотела удержать старика.

Хотя отец умер в летнее утро, во сне была зима. Ночь. И страшное ощущение конца привычной жизни. Словно ты шел к мосту, а вместо него – обгоревшие бревна. И чтобы переправиться на другой берег, нужно нырять в холодную быструю воду, с омутами и водоворотами.

Фролка на соседней лежанке заворочался и забормотал. Федя скосил глаза чуть вбок – туда, где когда-то лежал старик Бичар. Пусто. Он положил руку на грудь, где в кармане лежало полученное вчера письмо. Понятно, почему приснилась смерть отца. Письмо... Еще один сгоревший мост перед тобой – еще одна быстрая холодная река, в которую надо броситься.

Федор теперь даже не раздумывал, прочтя послание. Утром он сразу пошел к старьевщику Ахметке и взял расчет. Старик долго охал, не хотел отпускать, снова завел шарманку о женитьбе на его дочери, но Федя был непреклонен. Хватит с него сортировать тряпки и кости в грязном вонючем сарае!

Дом графа Скопина

Когда это было? Неделю назад? Или месяц? Он шел по серому, еще не проснувшемуся Петербургу и вспоминал, как оказался в этом городе, придя с обозами из Читы, как отыскал дом отца и долго ходил вокруг, заглядывая издалека, из-за ограды, в окна. Он смотрел с любопытством, представляя себе, каково это – родиться и жить в таком дворце с кормилицей, гувернанткой, слугами и собственным выездом. Он вспоминал все, что слышал от отца, но никак не мог соотнести услышанное с тем, что было сейчас перед его глазами. Что ему делать? Постучаться в ворота, попросить встречи с хозяевами? Открыться им? Так прогонят – первый же лакей при виде молодого оборванца крикнет будочника. Или дворню – что еще хуже.

Федя прислонился у ворот и достал из кармана грязный огрызок черного сухаря – последний. И тут увидел старуху, толстую бабу, едва ковылявшую на распухших ногах, с большой корзиной, укрытой чистым платком.

Люба. Кухарка Люба. Отец рассказывал ему про кухарку, которая сунула в телегу большой узел с вареным мясом

и картошкой, когда его увозили в ссылку. Это был единственный человек, который плакал при прощании. Остальные просто молчали – в семье было не принято выражать свои мысли так открыто – старый граф Скопин воспитывал домашних в английском духе.

А может, он просто ошибся и проходящая бабка – вовсе не та самая кухарка из рассказов отца? Но она повернула к воротам – медленно переваливаясь, и мельком взглянула в сторону Феди.

– Люба! – сказал он несмело. – Ты – Люба?

– Ну! – поджала губы бабка. – Чего надо?

Федор чуть не задохнулся.

– Я от Александра Ивановича.

Старуха сначала не поняла, о ком говорит этот молодой нищелюб.

– От барина твоего... бывшего. Александра Ивановича.

Скопина, – он произнес слово «барин» через силу.

Бабка охнула и прижала свободную руку к груди.

– От барина?

– Да! – кивнул Федя. – Из Читы.

– Как... Как барин? – тихо спросила Люба. – Второй год писем не получаем, не заболел ли?

И она, уже предчувствуя ответ, всхлипнула. Федя кивнул.

– Преставился? – спросила бабка.

– Полгода как.

– Горе-то... – всхлипнула старуха. – А ты кто?

– Я сын его, Федор.

Она с горечью смотрела на него, а потом кивнула.

– Идем!

Люба прикрикнула на сторожа с той стороны ворот, чтобы пропустил. Федя перехватил совсем легкую корзину и пошел следом.

Обитель

Галер упал на колени перед девушкой, быстро нашел ее пульс, а потом два раза коротко, но сильно хлестнул по щекам.

– Очнись, дура! – зло прошептал он.

Сквозь гул каменного серпа он не услышал, как она слабо застонала. Потом девушка открыла глаза.

– Не время падать в обморок, – доктор старался перекрыть гул, стоявший в зале. – Нас сейчас раздавит!

Луиза несколько раз моргнула, потом взгляд ее немного прояснился. Она что-то прошептала, но из-за шума не было понятно ни слова. Доктор наклонился ниже – прямо к ее лицу.

– Что?!

– Надо найти козу! – сиплым голосом произнесла девушка. – Изображение козы. Там, где мозаика.

– Коза? Что за...

– Скорее!

Серп снова сделал оборот, снизился еще немного и пошел

чуть быстрее. Доктор, ругаясь и не соображая, зачем он это делает, бросился к мозаике, упал на колени в мягкий ковер пыли и быстро начал снятым галстуком протирать рисунок. Просто никаких других идей ему сейчас в голову не приходило.

– Черт! – крикнул Галер. – Нет козы! Какая-то богиня.

Девушка быстро, сильно согнувшись, подлетела к нему.

На полу в овальном орнаменте действительно была изображена богиня с копьем и в древнегреческом шлеме. Через плечо у нее была перекинута кудрявая шкура с прикрепленной у груди головой горгоны Медузы.

Волосы на голове доктора взметнулись – каменный серп с глухим рокотом пронесся совсем близко от темени. Галер попытался силой нагнуть голову девушки, но та отбила его руку и ладонью нажала прямо на изображение головы горгоны. Раздался скрежет. Федор Никитич осторожно поднял лицо – серп медленно останавливался. С его краев сыпалась каменная крошка. Потом он замер.

– Господи помилуй, – прошептал Федор Никитич. Но тут снова раздался рокот – однако на сей раз угроза действительно миновала, – гигантский каменный серп начал втягиваться обратно в потолок. Но механизм, поднимавший серп, не перестал работать. Как только каменное оружие встало на место, послышался скрежет со стороны фигуры старика. Барельеф сдвинулся, а на стене, которую он закрывал, Галер и Луиза увидели узкий проход. Не сказав друг другу ни слова,

они подхватили сумку и мешок и тяжело бросились к нему. У самого порога Луиза остановилась.

Галер заглянул внутрь и увидел небольшой коридор, за которым открывался второй зал Обители.

– Войдем сюда, но дальше – ни шага, – предложил он. – Может, там новая ловушка.

Как только они попали в проход, барельеф, изображавший старика, начал возвращаться на свое место, отрезая их от первого зала со страшным каменным серпом. Девушка рухнула на пол. Галер сел рядом.

– Вы больны, – сказал он.

– Нет, не больна.

– Не упрямитесь. Я – врач. Я знаю эти симптомы.

Луиза повернула к нему измученное лицо.

– Чем же?

– Классическая женская истерия, – сухо объяснил Галер.

Луиза коротко хохотнула.

– Вы как бабка, – сказала она. – Со мной все в порядке!

– Нет.

– Да! И хватит об этом!

Доктор пожал плечами. Спорить не имело смысла. По опыту Галер знал, что страдающие подобным недугом женщины ни за что не признаются в своей болезни. Поэтому медицина предписывала врачу вести себя с ними спокойно. Надо было отвлечь девушку, переменить ход ее мыслей.

– Интересно, сколько здесь комнат? – произнес он.

– Что там, в следующем зале? – спросила Луиза.

Галер встал, подошел к открывшемуся проходу и вгляделся в полутьму. Напряжение и злость, которых он так боялся, медленно проходили. Он снова превращался в немногословного сухого... совершенно обычного человека. Которым на самом деле никогда не был. Но тщательно скрывал это.

– Похоже, статуя всадника у противоположной стены.

– Всадника?

– Нет... это кентавр, – поправился Федор Никитич.

– Двенадцать, – сказала девушка.

Галер оглянулся на нее.

– Почему?

– А почему вы убили бабуку?

– Я не убивал ее, – устало ответил доктор.

– Кроме вас никто не мог.

– Разве? А почему не вы, Луиза? Вы ведь не любили ее.

Думаете, я не заметил?

– Какое вам дело? – сердито ответила Луиза.

– Вам не жаль ее!

Луиза промолчала. Тогда Галер спросил ее тихо, глядя прямо в глаза:

– Или вы знаете, кто ее убил, но скрываете?

Девушка отвела взгляд.

– Считаете, это я? – спросила она. – А я считаю, что вы.

– Нет, не я. Может, горничная?

– Глупость! Уж я-то знаю ее с детства.

– Однако, кроме нее и нас, в доме никого не было, – сказал Галер. – Или был кто-то еще?

– Нет! – крикнула Луиза.

Потом девушка молча сидела, глядя прямо в стенку прохода. Ее большие, немного навывкате глаза не моргали, а тонкие губы были сурово поджаты. Пожалуй, действительно – никакого сходства с бабкой. Бабка была воплощением давно минувшего века – увядшая роза екатерининских времен. Луиза вела себя и одевалась проще, но не казалась простушкой по сравнению с бабкой. Ее темно-синее платье с большим отложным воротником из белого полотна сейчас было вымазано пылью, но держалась девушка так, будто на ней не было ни соринки. А баронесса была дряхлой одноглазой старухой – совсем непохожей на ту соблазнительную кокетку, как ее описывал в своих предсмертных воспоминаниях Иван Андреевич Крылов. Доктор вспомнил старый дом в Лефортово, куда баронесса привезла его из Петербурга. И ту последнюю ночь, когда она начала свой рассказ, совершенно переиначив все, что рассказывал Крылов. За окнами кабинета было темно, дождь стучал в стекла, а в камине ярко и бездымно горели березовые поленья...

Лефортово

Агата Карловна сидела в кресле с высокой спинкой, положив рукопись себе на колени, а сверху – скрюченные подагрические руки.

– Та-а-ак... – произнесла она, глядя в сторону, на огонь в камине. – Как я и говорила, Иван Андреевич – ловкач! Написано увлекательно, умно. Но тут, – она ткнула пальцем в листы на своих коленях, – тут почти все – вранье.

Федор Никитич пожал плечами. Очень хотелось спать. Дорога совершенно вымотала его, пожалуй сильнее, чем эту старую каргу. В дороге она читала рукопись без комментариев, прерываясь только на почтовых станциях – на еду и постель. Иногда подолгу задумывалась, шевеля иссохшими губами, будто что-то подсчитывала. А Галер не пытался заговорить с ней по дороге в Москву. Он остро чувствовал перемену в жизни – особенно его волновала невозможность увидеть сестру. Хотя Агата Карловна и обещала, что за ней будут ухаживать, но...

– Прежде чем взяться за дело, вы должны узнать правду, – решительно сказала старуха, взяла со столика колокольчик и позвонила. – Ну где же эта девка?

Издалека слышались шаги, дверь отворилась, и в комнату заглянула прислужница.

– Чего вам? – спросила она.

– Чаю из синей банки! Да погорячее! На две персоны.

Галеру не хотелось чая. Он бы лучше лег спать, но, согласившись на предложение баронессы, сделанное неделю назад в Петербурге, возле библиотеки, где еще остывало тучное тело баснописца Ивана Андреевича Крылова, теперь не смел перечить. Служанка ушла. Баронесса помолчала, снова

пожевала морщинистыми губами, а потом начала:

– Сначала я должна рассказать немного о себе. О том, как стала шпионкой Матушки императрицы. Да! Шпионство – занятие неблагородное, впрочем, выбирать мне не приходилось. Мой отец, Карл Штюте, прибыл в Петербург по приказу княгини Цербстской Иоганны Елизаветы.

– Кто это? – спросил Галер.

– Не перебивайте! Это была мать будущей императрицы Екатерины Алексеевны. Они вместе приехали в Петербург. Но потом Елизавета Петровна стала удалять княгиню Цербстскую от дочери. Ей якобы сообщили, что Цербстская спуталась с Иваном Бецким, внебрачным сыном генерал-фельдмаршала Трубецкого. На самом же деле княгиня Цербстская, пользуясь своим положением будущей тещи, просто шпионила при русском дворе. Писала из Петербурга донесения Фридриху Прусскому, с которым Россия тогда воевала.

– А говорят, что шпионство – занятие неблагородное, – заметил доктор.

– Ну, сама-то она считала, что не шпионит, а интригует! Но канцлер Бестужев как-то перехватил отчеты княгини и поднес императрице Елизавете. Та была в бешенстве! Казнить княгиню Цербстскую, свою будущую родственницу, как вы понимаете, она не могла. Изгнать – за милую душу! Предчувствуя скорую разлуку с дочерью, княгиня Цербстская и выписала моего отца в Петербург – батюшка был хороший

куафюр и быстро стал любезен ее дочери Екатерине. Этого Иоганна Цербстская и добивалась – чтобы мой отец стал ее шпионом при дочери. Она через него собиралась влиять на Екатерину в случае своей высылки из России. Батюшка взялся за дело не столько от бедности, сколько из желания основать свое дело в великолепной русской столице и получить клиентуру, которой в Штеттине у него никогда бы не завелось. А потом случилось то, что и должно было случиться, – он прижился сначала в Ораниенбауме, где жили Петр и Екатерина, потом вместе с молодыми супругами переехал в Петербург. Впрочем, функции шпиона он все же выполнял – только не для матери, а для дочери. Носил записки от Екатерины к английскому послу Уильямсу, а от того доставлял мешочки с золотом для подкупа Разумовского и его гвардейцев с целью сместить императрицу Елизавету и посадить на трон Петра Федоровича. Когда же перемена свершилась сама по себе, в результате смерти Елизаветы, батюшка стал частым гостем у братьев Орловых, пока те не устроили уже настоящий гвардейский переворот, в результате которого уже сама Екатерина взошла на престол, а муж ее Петр Третий умер от острой геморроидальной колики в Ропше. Как тогда всем рассказали, конечно... Молодая императрица не забыла усердия отца и продолжила поручать ему всякие щепетильные дела, далеко от себя не отпуская.

Дверь кабинета снова открылась. Дородная баба-служанка внесла огромный поднос с чайником и чайной парой. По-

ка она ставила их на столик, Агата Карловна молчала. Молчал и Галер, глядя в темное окно, по которому стучал холодный московский дождь. Наконец служанка ушла, и баронесса продолжила, будто и не останавливалась. Казалось, она еще в дороге, надолго уходя в себя, соображала, что и как говорить – свою повесть старуха вела без запинок. Доктор подумал – много ли в ее словах правды? Или она, как и Крылов, потчует хорошо состряпанной историей? Ему ужасно не нравилась эта зыбкая болотная почва, по которой приходилось идти неизвестно куда.

– Каким образом я появилась на свет? – спросила сама у себя старуха. – Это тайна даже для меня. Отец никогда не женился. Матери у меня не было – только кормилица. Но так или иначе я оказалась на этом свете, прямехонько во дворе. Дальше вам должно быть неинтересно, скажу только, что отец меня очень любил. И императрица благоволила мне как родной.

Она сняла листы рукописи с колен, свернула их трубкой и положила сбоку на кресло. Очень медленно, с трудом взялась за чайник и подняла его, чтобы разлить чай по чашкам. Галер не стал ей предлагать помощь – это в договор не входило. Баронесса отпила из своей чашки и продолжила:

– Я, конечно, часто воображала, что являюсь внебрачной дочерью императрицы Екатерины. Ведь был же Бобринский ее сыном. Я даже спрашивала об этом отца, который однажды, когда мне было уже двенадцать, очень твердо заявил

– это не так. И запретил мне фантазировать, чтобы не огорчиться, узнав правду. Вероятно, матерью моей была кто-то из служанок, а может, даже из младших фрейлин... Он так и не открыл тайну моего рождения – через год, когда мне исполнилось тринадцать, его нашли задушенным в подвале.

– Вот как?

– Да. Матушка императрица приказала провести тщательнейший розыск, но убийцу не нашли. А может, нашли, но мне ничего не сказали, щадя мою молодость. Екатерина взяла меня к себе и даже некоторое время занималась воспитанием. Впрочем, ей быстро наскучило это занятие, и Матушка передала меня на руки старухе-фрейлине Канюковой, ведавшей при дворе всей женской прислугой. Время от времени царица призывала меня к себе и спрашивала, о чем говорят подопечные Канюковой и остальные придворные. Так постепенно я унаследовала занятие батюшки – стала шпионить во дворце, выполнять поручения, носить записки и... да, случилось и это. И еще раз. И еще... Постель – лучший способ узнать мысли мужчины, мой дорогой! Я была юна, очень привлекательна, а надзор старухи ограничивался тем, что она давала мне постель и много свободного времени. Которое я сначала уделяла книгам из дворцовой библиотеки, а потом – кавалерам.

Доктор Галер сухо кашлянул. В устах старухи эти слова звучали неприятно.

– В рукописи, которую вам продиктовал Крылов, все на-

чинается с его визита к императрице, – сказала Агата Карловна, усмехнувшись. – Матушка приказывает ему проследить, куда девается золото, которое согласно секретному указу самого Петра Алексеевича ежегодно закладывали в отверстие Фехтовального зала Сухаревой башни. Крылов пишет об этом визите как о чем-то неожиданном. Представляет себя комичным потеющим человеком, ни сном ни духом не ведающим... Я же расскажу о том, что было чуть раньше того визита.

Меня вызвали в спальню императрицы ближе к вечеру. В последние годы Матушка сильно утомлялась и ложилась рано. Случалось, ее мучила бессонница. Тогда звали «Чернявого», Платона Зубова, последнего фаворита царицы. Не верьте досужим болтунам, императрица вовсе не предавалась с ним плотским утехам – ей было почти шестьдесят, чувства давно угасли, но привычка к молодым блестящим мужчинам, которых можно держать подле себя, осталась. Они стоили Матушке много дороже болонок и левреток, но роль их была похожа. Разве только болонки не умели играть в «фараон» и сплетничать про придворных, а Зубов вполне на это годился. К тому же Матушка обожала, когда о ней судачили. Это льстило старушке. Хотя... – Агата Карловна поставила чашку. – Я сейчас, должно быть, уже старше, чем она в те годы.

Галер посмотрел на Агату Карловну и попытался представить ее молодой. Но не смог.

– Сначала Матушка болтала о какой-то ерунде, потом отослала фрейлин и велела мне сесть к ней на кровать.

– Агаша, – сказала она тихо. – Только ради светлой памяти твоего отца, Карла Петровича, я не гоню тебя со двора за все непотребство, которое ты тут устраиваешь.

– Но, Матушка! – невинно хлопая глазками, воскликнула я. – Ведь это все ради тебя!

– Замолчи! – приказала Екатерина Алексеевна и поправила белый чепец, давивший широкими атласными завязками ее дряблый подбородок. – Твои шашни с братцем моего «Чернявого», Валерианом... Это уж слишком!

– О, Матушка, – ответила я скромно. – Разве это шашни? Скромный поцелуй в саду... Как я могу устоять против обаяния такого мужчины? Конечно, он совсем не ровня своему брату, Платону Александровичу, но все же фамильное сходство...

– Вот дура, – разозлилась Матушка, которая, как я знала, в то время раздумывала, не сменить ли Платона на Валериана. – Уж прекрати стрекотать и разыгрывать из себя сельскую пастушку!

Впрочем, эта рокировка братьев императрице не удалась – в конце того же года красавчику-генералу Валериану при переправе через Западный Буг ядром оторвало ногу. Он получил от Матушки орден Андрея Первозванного, Святого Георгия, десять тысяч червонцев на уплату всех долгов, дом Бирона на Миллионной, двадцать тысяч золотом, пенсию в

тринадцать тысяч серебром, звание генерал-аншефа и назначение завоевывать Тибет. Тибет! Матушке прекрасно удавались и великая щедрость, и великая насмешка.

Повинуясь императрице, я замолчала. Молчала и Матушка. Она откинулась на подушки и смотрела в потолок. Потом нащупала мою руку.

– Агаша! – торжественно сказала она. – Я скоро умру.

Скосила глаза в мою сторону.

– Так! – сердито продолжила Екатерина. – Гляжу, тебе все равно!

– Мне не все равно, ваше императорское величество, – ответила я со вздохом. – Просто вы говорите мне про свою скорую кончину уже в четвертый раз.

– Ну и что? – воскликнула она. – Говорить можно сколько угодно! Смерть – это серьезно! О ней надо говорить! В моих годах – так просто обязательно!

– Это слишком печальные разговоры, – покачала я головой.

– Неважно! Теперь слушай внимательно. Мой великий дед... Хотя никакой он мне не дед, но это дела не отменяет... великий император Петр Алексеевич еще в самом начале века основал «Нептуново общество». Полагаю, ты о нем не слыхала?

– Нет.

– Конечно! Так и должно быть. Это вроде масонской ложи, куда входили все главные сподвижники царя. Собира-

лись члены «Нептунова общества» в Сухаревой башне в Москве. Возможно, позднее они покинули башню и перебрались в специально построенный дом. Сведения о нем есть в архиве. Хотя место, где он был возведен, – не указано. И чертежей не сохранилось. Что странно... Но еще более странно – согласно указу Петра ежегодно на нужды «Нептунова общества» выделяется двести золотых червонцев, которые отвозят из Петербурга в Москву и кладут в тайник, устроенный в стене Фехтовального зала башни. Причем деньги тут же исчезают! В прошлом году я специально послала своего кучера Афанасия вместе с особым чиновником – проверить, куда деваются деньги, кто их забирает...

– И что? – спросила я заинтересованно.

– Они всю ночь просидели в засаде в башне. Но никто за деньгами не пришел. А мешок с червонцами из тайника исчез!

Останкино

Жандармский офицер, еще не закончив орать на оторопевшего ротмистра Голикова, остановился и прислушался. Голиков воспользовался паузой, чтобы оправдаться:

– А что я мог сделать? У них было письмо.

– Молчать! – рявкнул жандарм. – Слушай!

В этот момент под землей что-то глухо загудело.

– Что это? – испуганно спросил ротмистр.

Жандарм поднял на него глаза. Только тут Голиков заме-

тил, какой грязной была шинель этого человека, каким усталым его лицо. И какими мокрыми бока лошади – вероятно, всадник мчал со всей возможной скоростью, чтобы перехватить ту странную пару. «Это каторга мне», – с тоской подумал ротмистр.

Жандарм скривился и быстро вытащил из-за пазухи конверт. Сломав печать, он вынул бумагу и пробежал ее глазами. Потом хмыкнул:

– Так.

Повернувшись к ротмистру, он поднял к его носу бумагу.

– Приказ управляющего Третьим отделением, – сказал он устало. – Велено без промедления собрать каменщиков и сломать все это... – он указал бумагой в сторону здания, – к чертовой матери! Поставить палатки. Отпуска и отлучки в город запретить. Дальнейшие инструкции будете получать от меня лично. Это в лучшем случае.

– Есть! – вытянулся во фрунт ротмистр.

– А в худшем сюда приедет... Хотя будем надеяться, что нет, – проворчал жандарм. – Выполнять!

2

Зал Стрельца

Нигде. Давно

Мальчик, скрючившись, лежал под кроватью на полу в одной рубашке и дрожал. Темнота. Шорохи. Скрипы. Кто-то шел по коридору к двери его комнаты. Мальчик пытался забраться подальше от свисавшего краешка простыни и заткнул рот кулачком, чтобы не выдать себя криком. Он дрожал так сильно, что зубами прокусил кожу. И почувствовал вкус крови.

Потом дверь открылась, и перед кроватью стало немного светлей. Вошедший принес свечу.

– Вылезай.

Он молчал, только дрожь стала еще сильнее.

– Вылезай, я принес лекарство.

Мальчик с трудом просипел:

– Ты кто?

– Перестань!

Мальчик, все еще дрожа, пополз из-под кровати.

Балтика. Пароход «Геркулес»

– Боюсь, не доведем. – Костя, племянник Александра Христофоровича Бенкендорфа, сидел сторбившись за сто-

лом кают-компания и мрачно смотрел на свой стакан, в котором чай, сообразно положению судна, накренился то вперед, то назад. Иллюминаторы были задраены, и шум волн был не слышен – только тиканье ходиков на стене. Костя был подавлен. Дядя прогнал его от себя, велел остаться только доктору Ивановскому. Напротив, заложив ногу на ногу и облокотившись локтем на спинку стула, сидел генерал Леонтий Васильевич Дубельт – в своем неперменном голубом жандармском мундире. Костя никогда не видел Дубельта в статском платье, как будто управляющий Третьим отделением всем своим видом подчеркивал, что личной жизни не имеет, всегда находясь на службе. Знаменитые ржаные усы жандарма скрывали седину, но волосы все так же вились, как в молодости.

Дубельт был внешне спокоен, но только внешне.

– Не каркай, Костя, – сказал он. – Даст Бог, все обойдется.

Пароход качнуло сильнее, и Леонтий Васильевич схватился за столешницу.

– Главное, чтобы не растрясло до Ревеля.

Дверь кают-компания приоткрылась, и внутрь заглянуло круглое лицо Ивановского. Его лоб покрывали капельки пота. Доктор снял очки и протер их большим носовым платком.

– Леонтий Васильевич, – сказал он озабоченно. – Вас там... Александр Христофорович...

– Как он? – спросил Дубельт, вставая и одергивая рукава.

Доктор устало помотал щеками, нацепил очки и пошире

открыл дверь.

Хватаясь за стены коридора при каждом нырке парохода, Дубельт прошел вслед за доктором к каюте, которую занимал Бенкендорф. Здесь шум от работающей корабельной машины был слышен, пусть и приглушенно.

Бенкендорф лежал на койке в ночной рубашке и вязаном колпаке, скрывавшем его обширную лысину и венчик седых волос. Лицо осунулось и как бы расплылось – как акварель, на которую брызнули водой.

– Я здесь, Александр Христофорович. Звал? – спросил Дубельт.

– Садись, – прошептал Бенкендорф.

Леонтий Васильевич пододвинул стул поближе к изголовью койки и сел. Он понимал, что может сейчас услышать нечто чрезвычайно важное – иначе зачем бы умирающий позвал его к себе? Тот устало посмотрел через плечо товарища на доктора Ивановского, который моментально понял не произнесенный вслух приказ и поспешно вышел, притворив за собой дверь.

– Я не доберусь до Ревеля, Лео, – с трудом проговорил Бенкендорф. – Сил не осталось.

– Ну что ты, Александр Христофорович! – начал Дубельт, однако тут же умолк, увидев, как в потухших глазах Бенкендорфа промелькнула искра отчаяния.

– Помолчи. Послушай, что скажу... Это важно.

Леонтий Васильевич наклонился к самому колпаку чело-

века, лежавшего на койке. От него пахло горьким – то ли лекарствами, то ли предсмертными испарениями.

Бенкендорф говорил тихо, без выражения, но губы Дубельта сжимались все плотнее, а взгляд стал совершенно отпущенным – услышанное действительно было пугающим.

– В последние годы правления Екатерина Алексеевна воссоздала старое, еще созданное Петром Великим «Нептуново общество». В нем заседали только высшие сановники. И Павел Петрович, и Александр Павлович после смерти Екатерины возглавляли и поддерживали организацию, будучи уверены, что это – особая масонская ложа их предка. Но когда на престол взошел наш государь... Ты же знаешь, Лео, император чужд фаворитизма. Он отверг предложение членов «Нептунова общества» возглавить ложу. По уставу главой обязательно должен быть государь. И тогда они обратились за помощью ко мне.

Александр Христофорович с трудом вздохнул и застонал. Дубельт предложил воды, но шеф жандармов отказался. Он торопился сказать то, что скрывал даже от своего подчиненного друга.

– Я почуял неладное, – прошептал Бенкендорф. – Сейчас члены ложи – древние старики. Им вовсе не нужно особое положение при дворе – они прекрасно понимали, что время их фавора прошло и теперь трон окружают совсем другие люди. Но они были крайне настойчивы. Я, по краткому размышлению, отказался от роли посредника между «Обще-

ством» и государем, сказав, что Николай Павлович дал четко понять – после мятежа он не жалует тайные общества, даже если те ставят перед собой исключительно благие цели. И вот тогда ко мне пришла старуха – баронесса де Вейль. Это было год назад.

1843 г. Фонтанка

Бенкендорф через приоткрытую щель двери смотрел в свой собственный кабинет. Вернее – на гостью, которая сидела у стола главного начальника Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии. Его стола. Позади Бенкендорфа почти не дыша вытянулся адъютант.

– Кто такая? – спросил Бенкендорф.

– Баронесса Агата Карловна де Вейль, – прошептал тот. – Московская дворянка, вдова. Муж Арман де Вейль, эмигрант, вступил в нашу армию капитаном инфантерии, героически погиб под Аустерлицем. Сын, Дмитрий, пошел по морской линии, утонул во время сражения под Наварином. Баронесса живет с внучкой в собственном поместье в Лефортово.

– А что хочет? По какому вопросу?

– Не говорит.

– Понятно. Что же, семья, в которой отец и сын отдали жизни ради Отечества, достойна уважения.

Бенкендорф с усилием распахнул дверь и вошел в кабинет.

– Не вставайте, Агата Карловна, – сказал он еще изда-
лка. – Хотите чаю или кофе?

– Хочу кофе, – сказала баронесса, – но не откажусь и от
чего покрепче.

Александр Христофорович кивнул адъютанту, наблюдав-
шему из-за двери, подхватил стул и поставил его рядом со
старухой. Он не хотел говорить с ней через стол. Пока не хо-
тел.

– Ну-с, – сказал он, садясь напротив. – Чему обязан вашим
визитом?

Баронесса смотрела на него пристально. Она была одета
во все черное. Седые густые волосы были уложены в слож-
ную прическу – вероятно, перед визитом к шефу Третьего
отделения она посетила куафюра. Повязка на правом глазу
придавала зловещий вид ее морщинистому лицу. Александр
Христофорович подумал – была ли она красива в молодос-
ти? И решил – вряд ли.

– Забавно, – сказала баронесса, – родись вы лет на сорок
раньше, я вполне могла бы служить под вашим началом.

– Вот как? – удивился Бенкендорф. Он принял от адъ-
ютанта поднос с чашками и поставил его на стол между со-
бой и старухой.

– Матушка Екатерина поручала мне весьма щепетильные
дела, – продолжила баронесса.

Шеф жандармов кивнул.

– Но это было давно. Два императора и одну войну на-

зад, – усмехнулась Агата Карловна. – Я отошла от дел и живу теперь в Москве, воспитываю внучку.

Она задумчиво прикоснулась сухими скрюченными пальцами к фарфору чашки, а потом отвела их, как будто чашка была слишком горяча.

– Вы не приняли предложения «Нептунова общества», – сказала баронесса. – Это очень глупый поступок.

Бенкендорф немедленно подобрался.

– Послушайте, – сказал он холодно, – я полагал, вы...

– Очень глупый! – перебила его старуха, совершенно не обращая внимания, что перечит одному из самых грозных чиновников империи – как будто тот был нашалившим студентом. – Вы, вероятно, не стали разбираться в этой истории, полагая, что «Нептуново общество» – это одна из старых масонских лож, дряхлые члены которой выжили из ума и всеми силами цепляются за одну только возможность совершать свои нелепые обряды в присутствии императора? Это не так. Мы повинемся приказу Екатерины Алексеевны хранить тайну, которая несет угрозу самому существованию императорской власти.

Она замолчала и уставилась единственным глазом прямо в лицо Александра Христофоровича.

– Если бы те безрассудные офицеры, что устроили мятеж в двадцать пятом, знали эту тайну, уверяю вас, это не они, а Николай Павлович сейчас сидел бы в Чите на привязи.

Если еще две минуты назад Бенкендорф был близок к то-

му, чтобы кликнуть адъютанта и приказать ему выпроводить старуху, то теперь она сумела полностью завладеть его вниманием.

– И что это за тайна?

– Вернее сказать, две тайны, – ответила баронесса. – Одну знают члены «Нептунова общества». Вторую, более важную, – только я. Первая не так важна, время давно превратило ее в прах. Она касается царевича Алексея Петровича. Сына Петра Первого.

– Казненного отцом, – пробормотал Александр Христович.

– Якобы казненного отцом, – возразила Агата Карловна.

– Что?

– Якобы казненного, – повторила она. – На самом же деле Алексей был заключен в тайную крепость за пределами Москвы, где прожил до глубокой старости и умер естественным порядком.

Бенкендорф пожал плечами.

– Да-да, – кивнула старуха, – я и говорю – сейчас это уже никого не волнует. Однако Екатерина потребовала, чтобы члены «Нептунова общества» оберегали эту тайну, а особо – ту тайную Обитель, где находится могила несчастного Алексея Петровича.

– Но мне не кажется это... важным, – сказал Бенкендорф разочарованно, – как известие о... как вы говорите – существовании такой могилы помогло бы мятежникам?

– Потому что есть и другая тайна, – ответила старуха. – Та, о которой знаю только я. У царевича Алексея был ребенок.

– Та-а-ак, – произнес Бенкендорф, начиная догадываться, что имеет в виду старуха.

– Ребенок, унаследовавший кровь Петра Алексеевича.

– От его любовницы, с которой он сбежал в Австрию? Насколько я знаю, он умер еще в молодые годы...

– Нет, – ответила баронесса, – другой ребенок.

Бенкендорф поднял бровь.

– Императрица Екатерина знала об этом?

– Нет, – ответила старуха, – я не доложила ей.

– Почему? – спросил Бенкендорф.

– Испугалась.

– Чего?

– Мне угрожали. Это был 94-й год. Екатерина Алексеевна доживала последние годы. При дворе началась настоящая война – партия Павла интриговала против партии его сына Александра. Составлялись заговоры. Один из них возглавлял Архаров. Он предположил, что я получила какие-то сведения о продолжении истинного рода Романовых. И пригрозил, что, если я расскажу Матушке, – следующее утро для меня не настанет. А потом, через два года, императрица умерла. Архаров пережил войну и отдал концы в четырнадцатом... Впрочем, мне было уже наплевать на дворцовые тайны... мой муж погиб, пришлось в одиночку воспитывать сына.

– Вы хотите сказать, – медленно произнес Александр Христович, – что в России могли остаться прямые потомки Петра...

– Именно! – кивнула баронесса. – Уж куда прямее, чем нынешняя линия. И если их разыскать...

Бенкендорф встал и подошел к окну, занавешенному бархатной гардиной. Но смотрел он не через стекло, а на малиновый бархат. Если бы доказательства были в руках у мятежников, они могли бы оспорить право государя на престол. Что при той чехарде отказов от короны Николая и Константина Павловичей могло и сработать. Особенно если бы мятежники отыскали того самого потомка Петра и посадили его на престол своей марионеткой.

Он вздохнул и повернулся к баронессе.

– Что же! Это очень увлекательно, однако что было – то прошло. Мятежники в Чите, а я зорко гляжу, чтобы в России тайные общества больше не плодились.

Он подошел к столу и встал у кресла, давая понять, что разговор окончен.

– Но документы остались, – сказала баронесса, ничуть не смущаясь намеком. – И за ними охотятся.

– Какие документы? – спросил Бенкендорф.

– Я не знаю, – ответила твердо Агата Карловна, – они скрыты в Обители. Обитель запечатана приказом Матушки Екатерины и охраняется специальной ротой солдат.

– Что за глупость! – возмутился Бенкендорф. – Какой ро-

той? Почему я об этом ничего не знаю?

– Потому что это – не ваше дело! – отрезала баронесса. – Даже когда Бонапарт взял Москву, эта рота оставалась в Обители. Просидела за стенами до той поры, пока супостат не покинул город. И Павел Петрович, и Александр Павлович приняли пост капитана «Нептунова общества», знали об Обители и поддерживали все распоряжения Екатерины.

– Даже Павел? – удивился Александр Христофорович.

Старуха кивнула.

– Значит, действительно что-то важное, – задумался Бенкендорф.

– Важное для них, – подчеркнула Агата.

– И вы говорите, кто-то охотится за документами?

– Да. А разве это не вы?

Балтика. Пароход «Геркулес»

Умиравший Бенкендорф долго молчал, прикрыв опухшие веки.

– Предположим, все, что говорила старуха, – чушь, – прошептал он наконец, – и я мог вполне забыть про ее бредни. А ну как она говорила правду? Если оставался хоть один шанс, что она не лгала, значит, я должен был отнестись к ее рассказу с полной серьезностью, как если бы правдой было каждое слово. Ты, Лео, прекрасно понимаешь, что в нашем деле лучше переусердствовать, чем проявить небрежность.

– Точно так, Александр Христофорович, – ответил Ду-

бельт. – Но что она хотела от тебя?

– Убедить Николая Павловича все-таки принять ее. И, вероятно, рассказать ему про все эти тайны. Я пообещал, что передам императору просьбу о встрече. И даже дам свое подтверждение в том, что встреча эта важна.

– А Николай Павлович?

– Как только я заикнулся про «Нептуново общество», император категорически запретил мне впредь поднимать этот вопрос. И все же я поручил провести тайное расследование – может, кто-то из придворных действительно дерзнул составить заговор против власти.

– Это совершенно невероятно, – возразил Дубельт, – нынешний двор – олицетворение покорности и дисциплины.

– А! – Бенкендорф едва шевельнул пальцами в пренебрежительном жесте. – Но мы никогда не можем знать точно, какие лица могут быть скрыты под масками...

– Ты кого-то нашел? – спросил Дубельт.

– Да... – едва слышно прошептал Бенкендорф. – Наклонись ко мне, тяжело говорить.

Леонтий Васильевич пригнулся к самому лицу шефа.

– Это ты, Лео, – прошелестел шепот Бенкендорфа. – Ты.

Дубельт только улыбнулся.

– Ты с ума сошел, Александр Христофорович, – сказал он негромко и быстро обежал глазами просторную каюту.

– Я говорю тебе об этом именно сейчас, – прошептал Бенкендорф. – Я раскрыл тебя, Лео.

– Ах, Александр Христофорович, ради бога!

Умиравший Бенкендорф закрыл глаза и улыбнулся – такой улыбкой, которой никто и никогда не видел на его губах – жалкой, беспомощной.

Пароход резко клюнул носом. Дубельт оперся на стенку каюты и пристально сверху вниз посмотрел в открытые глаза Бенкендорфа. Они стремительно тускнели.

Обитель

Доктор Галер устало смотрел в каменный пол.

– Прежде чем мы пойдем туда, – он кивнул в сторону следующего зала, – может, вы расскажете, как вы догадались, что нужно нажать на голову горгоны? И почему вы решили, что в Обители именно двенадцать залов?

Луиза вздохнула.

– Вы давно были знакомы с бабкой?

– С Агатой Карловной? Чуть больше недели.

– Что она рассказала вам обо мне?

Галер пожал плечами.

– Почти ничего. Просто сказала, что вы – ее внучка и можете пройти Обитель.

Уголки ее губ чуть дернулись вверх.

– Как вы вообще попали в ее лапы?

– Это долгая история, – ответил Галер.

– Я хочу знать.

Она резко вскочила на ноги, натянутая как корабельный

канат в ветреную погоду. От былой апатии и бледности не осталось и следа. Но доктор знал, что это – обманчивое впечатление.

– Я должна знать! – крикнула Луиза, и ее голос гулко отразился эхом в зале со статуей с кентавром. – Я, в конце концов, должна знать!

– Разве баронесса не сказала вам?

– Разве топору говорят, зачем его берут в лес? – горько отозвалась девушка.

– Хорошо, я расскажу вам все, что знаю, но сначала вы объясните про серп и голову Медузы.

Луиза прислонилась к холодным камням стены.

– Это все просто. Старик – это Кронос, отец Зевса. Серп – его оружие.

– Так, – кивнул доктор.

– Кронос пожирал своих детей, рожденных Геей, потому что ему предсказали, что один из сыновей станет его убийцей, – продолжила девушка, – поэтому, когда на свет появился Зевс, Гея решила спрятать младенца и дала Кроносу камень, завернутый в пеленки. Старик проглотил камень, а Гея укрыла Зевса в пещере на острове Крит.

– А! – вспомнил доктор. – Там был барельеф с горой и пещерой!

Лиза кивнула.

– Но при чем тут коза, Афина и горгона?

– Ну! – Луиза досадливо топнула ногой. – Это же неслож-

но! Главное – связать Кроноса, Крит и пещеру! Гея спрятала Зевса в пещере, где его вскормила своим молоком коза Амалфея. Потом, когда Зевс подрос, он принес Амалфею в жертву – в благодарность за чудесное избавление от смерти. Шкура козы была прочнее стали, и Зевс использовал ее вместо щита, когда вышел на битву со своим отцом. Именно Эгида – шкура козы Амалфеи – и защитила Зевса от страшного серпа Кроноса. Теперь понимаете?

– Шкурой кормилицы? – удивился доктор. – Но как она оказалась у Афины?

– Родив Афины, Зевс...

– Родив Афины? – перебил ее Галер. – Зевс?

– Вы что, – рассердилась девушка, – ничему не учились?

– Медицине. Анатомии... – доктор смутился. – Анатомия учит нас, что мужчина родить не может. У него нет... Простите...

Луиза пожала худыми плечами.

– Родив Афины, – продолжила она, – Зевс передал ей Эгиду. Поэтому Афины часто изображают покрытой козьей шкурой, на которую она прикрепила и смертоносную голову горгоны, полученную от Персея.

– Хорошо, что вы не начали объяснять все это там. – Галер ткнул большим пальцем в сторону скрытого барельефом Кроноса зала. – Нас бы точно перемололо этим серпом, пока я понял бы, что к чему! Но почему вы решили, что в Обители 12 залов?

Девушка вздохнула.

– Это еще проще. Когда Зевс принес Амалфею в жертву, он вознес ее на небо и превратил в созвездие Козерога.

– А! Созвездие!

– Там. – Лиза кивнула на вход в следующий зал, – статуя Кентавра. Кентавр – это созвездие Стрельца. Оно идет сразу после Козерога в годовом цикле. В этом доме должно быть как минимум двенадцать залов по числу созвездий.

Галер посмотрел на девушку.

– Такая ученость, – сказал он, – удивительно...

Луизе его слова, казалось, причинили боль.

– Это все бабка, – поморщилась она, – заставляла меня наизусть зубрить целые тома из своей библиотеки.

– Не зря, – задумчиво сказал доктор.

– Зря! Бабка заставляла меня пересказывать все прочитанное. Я и пересказывала – сразу после. А потом тут же все выкидывала из головы. О, как я ненавижу нашу библиотеку! Если бы я могла сжечь этот дом, костер разложила бы именно в библиотеке! Из-за этих проклятых книг!

– Только что ваше обучение спасло нам жизнь, – возразил доктор.

Девушка досадливо пожала плечами.

– Случай! За следующий раз я не ручаюсь.

1842 г. Санкт-Петербург. Дом графа Скопина

Эти несколько дней Федор прожил как во сне – рубил дре-

ва на заднем дворе, таскал воду из колодца, наполняя огромный бак для кипятка, под которым все время горел огонь. Спал на кухне под столом на соломенном матрасе, выданном кухаркой Любой. Он звал ее почтительно Любовь Акимовна. Челядинцы поначалу косились на него, но кухарка объяснила – мол, племянник приехал из-за Урала делу научиться, пристроиться в столице. В хозяйские комнаты Федю не пускали.

Распорядок жизни большого городского дома, завтраки, обеды и ужины по расписанию, чай, подаваемый ровно в шесть в бежевую гостиную, обеды челяди в людской, где напыщенные ливрейные лакеи распускали пояса и превращались в обычных мужиков, остатки с барских трапез – порой нетронутые, блюда, которых Федя в Чите никогда и не пробовал, – все это поначалу будто заморозило юношу, оттеснило вглубь сознания навязчивую поначалу мысль – как так получилось, что он, имея право жить на «чистой» стороне, пользоваться всеми благами господского бытия, тем не менее ютится здесь, среди дворни, выполняет поручения и не смеет даже шагнуть по коридорам в сторону тех больших богатых комнат, где когда-то обитал его отец?

Однажды вечером, когда кухарка ставила на ночь в печь большой горшок с бараниной, натертой специями, он спросил:

– Любовь Акимовна, а где тут жил мой... Александр Иванович?

– Зачем тебе?

– Просто...

Она поставила ухват, прислонив его к углу, и вытерла руки о передник.

– Наверху его комната. Только...

– Что?

– Как поймали его на площади, старый граф...

Она махнула рукой. Лицо ее омрачилось.

– Потом пришли солдаты с офицером и обыскали весь дом. Искали письма и бумаги. А хозяин наш... стоял и смотрел. Потом отвел он офицера в коридор. Я сама не слышала, но мне управляющий наш, Дормидонт Евграфыч, передал... Царство ему небесное, не злой был человек, хотя и строгий. Граф Иван Петрович и говорит офицеру – передайте, мол, государю, что я сына своего из сердца вырвал. Видно, роду Скопиных пришел конец. С тех пор и не вспоминал про сына своего... Ну... я-то прибираюсь в комнате батюшки твоего, но ничего не трогаю. А граф туда и не заходит. И ты не ходи. Ведь суд был. Лишили Александра Ивановича всех наград, званий и титулов. И графского достоинства. Как будто убили... А человек-то еще жив... Был жив, упокой Господи его душеньку.

Она шмыгнула носом и снова махнула рукой.

Через два дня, ночью, Федя проснулся под столом на кухне – сердце его сильно билось в груди. Он лежал с открытыми глазами, чувствуя, как слезы обиды подступают к глазам.

Потом выбрался из-под стола и, тихо ступая босыми ногами, вышел из кухни. Большой дом спал, погруженный в темноту. Печи еще не успели простыть, пахло лакированным деревом и воском. Юноша на ощупь добрался до коридора, ведущего в господскую часть, – возле лестницы было светлее, – там находилось большое окно. Федя поднялся на третий этаж, стараясь не шуметь. Прошел по еще одному коридору и увидел три двери. Но которая из них вела в комнату его отца? Он взялся за большую медную ручку и осторожно толкнул ее внутрь. Заглянув в щель, юноша увидел большую кровать под балдахинном, на которой кто-то лежал. Аккуратно приотворив дверь, он перешел к следующей и приоткрыл ее. Эта комната была пуста. Он различил письменный стол у окна, кровать в углу, большой книжный шкаф и кресло возле него. На стенах висели какие-то небольшие картины, но Федя не мог различить их в темноте. Но была ли это комната отца? Сердце юноши заныло – ему хотелось верить, что это так. Он подошел к столу, освещенному светом луны из окна, и увидел листок бумаги, на котором пером был нарисован силуэт девушки. Юноша поднял листок и поднес его ближе к стеклу, чтобы рассмотреть.

Кто это? Неужели это рисунок отца? Может, он нарисовал ту, в которую был влюблен, прежде чем его арестовали и выслали в Читу? Федя вспомнил свою мать – обычную зажиточную крестьянку – и с невольной ревностью сравнил ее с изящной головкой на листке.

Он не услышал, как дверь за его спиной отворилась. А потом старческий голос, полный изумления, произнес:
– Саша?

Фонтанка

Леонтий Васильевич Дубельт ехал в карете с зашторенными окнами по вечерним улицам столицы в самом скверном настроении. Он постоянно с большой обидой вспоминал последние слова Александра Христофоровича и все продолжал спорить в уме с человеком, чье тело уже было предано земле в семейном поместье Фаль, в тридцати верстах от Ревеля.

– Вы все неправильно поняли, Александр Христофорович, – убеждал Дубельт шефа, который все так же лежал на койке в каюте «Геркулеса». – Не знаю, каким путем вы вышли на мой след в этой истории, но интерпретировали вы ее совершенно неверно!

Призрачный Бенкендорф откинул одеяло и снял колпак. Оказалось – он при мундире. А волосы его были аккуратно уложены, и по Александровой моде виски зачесаны вперед.

– Знаешь, Лео, – доверительно, как в особые моменты, сказал Бенкендорф совершенно обычным своим голосом, – если уж быть совершенно честным, ты же сам состоял в «Славянском братстве». И чуть было не вышел в декабре 25-го на Сенатскую площадь.

– Не то! – воскликнул Дубельт огорченно. – Это было...

– Тайное общество! – перебил его Бенкендорф. – Не хуже

«Северного союза».

– Компания болтунов! Александр Христофорович, ты же сам прекрасно знаешь – тогда тысячи молодых офицеров по всей стране игрались в политику, создавая тайные общества. Но как только доходило до серьезного – тут же теряли интерес. Мое дело рассматривалось следственной комиссией по делу о мятеже.

– Дело не в том, что ты остался предан государю, Лео, – печально сказал Бенкендорф. – А в том, что ты предал своих прежних товарищей по «Славянскому братству». Ибо предавший единожды...

– Нет, – возразил Дубельт, – это не твои слова. Это мои мысли.

– Пусть, – поджал губы Бенкендорф. – Сам себя ты понимаешь лучше.

– Это не было предательство, – упрямо гнул свое Дубельт. – Это было взросление.

– Как знаешь.

Леонтий Васильевич обнаружил, что вместо каюты парохода они теперь оказались у большого окна. На площади стояло темное каре, поблескивая тонкой полоской штыков. Тяжелые тучи сеяли мелкий снег, каре молчало, но толпа вокруг гудела голосами. Везде – на примыкающих улицах, в окнах, на крышах домов, на фонарных столбах – тысячи зевак разглядывали ряды мятежников, кричали, пересмеивались. Кто-то крестился.

– Вот. – Бенкендорф указал вниз. – Результат детской игры в политику. И что самое страшное, там, внизу, не избалованная елизаветинская гвардия, которая свергала одного государя и ставила другого только ради своего права пить, играть в карты, баловаться с девками и при этом не воевать. Нет! Это ветераны. Наши боевые братья, прошедшие всю войну. И Смоленск, и Бородино, и Березину, и заграничный поход! Наши товарищи, с которыми мы плечом к плечу дрались со всей Европой! Десять лет всего прошло – а они тут, на Сенатской! Как это могло случиться? Как защитники Отечества превратились во врагов государя?

– Ты знаешь, Александр Христофорович, – устало ответил Дубельт. – Ты все знаешь. Они хотели как лучше. Хотели Константина, конституции, новой России. Их должно было покарать за мятеж, устроенный в переломное время. Но только за это.

– Кто это говорит? – спросил Бенкендорф, поворачиваясь к Дубельту. – Человек, которого считают главным душеителем идей? Не ты ли так оригинально объявил Чаадаева умалишенным? Не ты ли отправил Лермонтова на Кавказ?

– И вернул по просьбе его бабушки.

– А закрытие «Московского телеграфа»?

– И ходатайствовал о назначении Полевому пенсии, – возразил Леонтий Васильевич.

– Вот видишь, Лео. – Александр Христофорович положил ему руку на плечо и пристально взглянул в глаза. – Ты же

сам начал карать за идеи, но при этом не перестал видеть в них людей.

Он сильнее сжал плечо своего подчиненного.

– А конфискация бумаг Пушкина после его смерти? – спросил Бенкендорф с тонкой улыбкой.

– В Третьем отделении они будут сохраннее и не попадут в руки нечистоплотных издателей, как это было с бумагами Лермонтова.

– Ты имеешь в виду свой тайный архив? – усмехнулся Бенкендорф.

Дубельт помотал головой.

– Этого вы знать не можете, – сказал он призраку шефа. – Этого никто не знает.

– Архив, в котором хранится железная коробка с картотечной Архарова? – спросил Александр Христофорович.

Вот!

Дубельт откинулся на спинку сиденья и глубоко вздохнул. Вот! Он дернул за шнур звонка. Окошко со стороны кучера откинулось.

– Поезжай к библиотеке! – приказал Леонтий Васильевич.

Он поднялся на самый верх – туда, где под крышей императорской библиотеки находилась квартира ее смотрителя – знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Дубельт знал, что в скором времени из печати должно выйти полное собрание сочинений литератора – он лично прочитал

цензорский экземпляр.

Дверь квартиры наверху открылась, и из нее вышел невысокий худой мужчина с вытянутым лицом и печальными глазами. В руке он нес большой саквояж из сильно вытертой кожи. Мужчина прижался к стене, чтобы пропустить поднимающегося Дубельта. Леонтий Васильевич прошел мимо, но потом остановился и проводил взглядом спускающегося человека.

На пороге появилась прислуга – круглолицая девушка, лицом очень похожая на Крылова.

– Иван Андреевич дома? – спросил Дубельт.

– Хворает, – услышал он в ответ.

– Это был доктор? – жандарм указал на лестницу.

– Да.

Леонтий Васильевич скинул девушке на руки роскошную «николаевскую» шинель, отдал фуражку, потрепал по щеке и прошел в кабинет хозяина.

– Разрешите, Иван Андреевич?

Он успел заметить, как толстяк, полулежавший на кровати, запихнул под одеяло стопку бумаг и перо. Чернильница так и осталась стоять прямо на доске, которую он для удобства письма положил на свой живот.

– Трудитесь? – спросил Дубельт, усаживаясь на стул. – Какая-то новая басня? Хотите задать еще работы нашему Цензурному комитету?

– Нет, – ворчливо ответил старик, – завещание пишу.

– Зачем?

– Умираю я, господин Дубельт, – буркнул Крылов.

– Бог с вами, Иван Андреевич! Куда вам умирать? Вам еще надо насладиться восторженными рецензиями на собрание сочинений.

– А! – Крылов махнул дряблой рукой и взял из пепельницы раскуренную сигару. – Что привело ко мне главного Цербера императорской псарни?

– Ах, если бы у меня было три головы, как у Цербера, – вздохнул Дубельт. – Возможно, мне не пришлось бы так долго думать одной над крайне интересной загадкой.

– Как уморить всех литераторов России? – предположил Крылов, попыхивая сигарой.

– Я не против хорошей литературы, – возразил жандарм, – но слово – слишком мощное оружие, чтобы оставлять его в полное владение людям, которые ради красного словца не пожалеют и отца. А уж про государственную власть я и не говорю.

Крылов аж крякнул.

– Да-да, – продолжил Дубельт, – и поскольку у меня не три головы, как у Цербера, а всего одна, я решил воспользоваться еще и вашей, чтобы разгадать один секрет.

– Какой же? – безразлично ответил Крылов.

Дубельт встал, подошел к открытому окну и взглянул на улицу. Увидел напротив черную карету, стоявшую под фонарем, и решил завтра же утром приказать выставить наблю-

дение за квартирой баснописца.

– Вот вопрос, – сказал он, не поворачиваясь. – Откуда Бенкендорф узнал, что я якобы интересуюсь бумагами «Нептунова общества»?

– Ответ очевиден, – отозвался Крылов. – От меня.

Леонтий Васильевич развернулся на каблуках и пристально посмотрел на толстого старика.

– А я разве интересуюсь ими? – спросил он.

– В моем письме написано, что да, – ответил Иван Андреевич и выпустил дым изо рта.

– Какого черта вы написали ему это письмо? – поинтересовался жандарм.

Крылов хрипло рассмеялся.

– Помните, господин Цербер, как вы несколько лет назад вызвали меня к себе в кабинет и продемонстрировали ту железную коробку?

Дубельт кивнул.

– Картотеку Архарова! – продолжил Крылов. – В которой старый боров держал отчеты своих агентов. И вы решили, что можете шантажировать меня, угрожая предать гласности наши отношения с хозяином картотеки.

– Согласитесь, с моей точки зрения, это был бы неплохой ход – иметь осведомителя прямо в литературной среде, причем человека именитого, популярного, общепризнанного остролова! Но вы отказались.

– Я не просто отказался! – Крылов ткнул кончиком сигары

в собеседника. – Я откупился. Взамен за папку из картотеки я рассказал вам про «Нептуново общество» и его архив.

Дубельт тяжело вздохнул.

– Это была нечестная сделка! Вы не сказали, что Обитель и архив в ней охраняются тайным государственным указом, который заверили трое – Екатерина, Павел и Александр.

– Но не Николай Павлович, – заметил Крылов.

– Николай Павлович не станет отменять указов своих предшественников, если на то не будет крайней необходимости. Я отдал вам досье, а вы оставили меня с носом.

– Ну, – спокойно заметил Иван Андреевич, – и на старуху бывает проруха.

– Но зачем, черт бы вас побрал, вы написали Бенкендорфу, что я охочусь за бумагами «Нептунова общества»? Ведь это неправда!

Крылов пожал своими покатыми плечами, прикрытыми старым халатом.

– Это моя месть.

– Месь? – удивился Дубельт. – Мне? За что? За ту несчастную попытку шантажа?

Иван Андреевич откинулся на подушки и злыми маленькими глазками впился в лицо жандарма.

– А вы знаете, Леонтий Васильевич, что в тот момент чувствовал я? Нет? Когда вы выложили передо мной эту вонючую половую тряпку из прошлого и предложили утереться ею? Допустим, Архаров поймал меня по молодости на кар-

точных долгах. Но я с лихвой отработал свои грехи. А потом появляетесь вы! И снова пытаетесь сделать из меня шпиона! Да еще среди людей, которых я почитаю цветом русской литературы! Для чего? Защищать власть? Уверяю вас, я хорошо знаю господ, которые олицетворяют эту власть. Я видел несколько их поколений. Именно поэтому всю вторую половину жизни я пишу про животных – они намного порядочнее людей. Особенно в придворных мундирах!

Крылов сильно закашлялся.

– Что у вас за болезнь? – спросил Дубельт, когда литератор смог побороть приступ.

– Пневмония.

– Это серьезно. Чем лечит вас доктор?

– Надеждами.

– Помогает?

– Нет.

Леонтий Васильевич снова сел на стул.

– Бенкендорф умер, – сказал он.

– Знаю, – проворчал Крылов.

– Он не дал хода вашему письму. Ваша месть не свершится.

Крылов снова затянулся сигарой.

– Ну что же, – ответил он наконец. – Партия еще не закончена.

– Черт бы вас побрал, Иван Андреевич, – проворчал Дубельт.

Крылов криво усмехнулся:

– А разве вы не за этим пришли, Леонтий Сатанаилович?

Дубельт глубоко вздохнул, поправил кончики своих светлых усов и вышел, не прощаясь.

Обитель

Двенадцать залов! Один они прошли с риском для жизни, значит, осталось еще одиннадцать. Доктор Галер приуныл. К тому же он не успел осмотреть зал Козерога – если там и была спрятана часть бумаг «Нептунова общества», то теперь документы, скорее всего, недоступны. Впрочем, Крылов мог забрать бумаги в 1794-м, когда проник в Обитель, и их нынешний поход совершенно бесполезен. Агата Карловна была уверена, что литератор-шпион не привозил архив в Петербург. Значит, он либо оставил бумаги здесь, понимая, что в «Чертовом доме» они сохранятся намного надежнее, либо перепрятал их где-то в Москве... Либо баронесса ошибается, и Иван Андреевич сумел обмануть всех ищеек. Дьявол бы побрал баронессу! Федор Никитич прекрасно понимал, что оказался втянут в это сомнительное и опасное дело только ради сестры. Лиза страдала чахоткой и тихо угасала в их петербургской комнате, холодной и сырой, насквозь продуваемой сквозняками. Когда Крылов предложил доктору щедро заплатить за роль его секретаря, Галер обрадовался. Деньги, полученные от литератора, пошли на дрова, лекарства и ингаляционный аппарат французского изобрета-

теля доктора Шартуля. Но Иван Андреевич умер, так и не выплатив основную часть. Тогда Галер в отчаянии похитил рукопись, которую сам и составлял со слов Крылова, в надежде продать ее издателям и увезти Лизу на юг, где сам воздух оказал бы целебное действие на организм сестры. Но по дороге его перехватила баронесса де Вейль, старуха из черной кареты, дежурившей у подъезда Библиотеки. Баронесса предложила огромную сумму за то, чтобы доктор добыл для нее бумаги «Нептунова общества», пройдя лабиринт Обители в Москве. И вот теперь баронесса зарезана, ее тело готовят к похоронам в старом доме в Лефортово, а он вместе с ее странной внучкой, которую по стечению обстоятельств также зовут Лизой, но только на французский манер, здесь, в этом опасном здании...

– Надо идти дальше, – сказал он девушке. – Боюсь, у нас слишком мало припасов, а главное – воды. Если мы задержимся и не пройдем оставшиеся залы... Что вы знаете о следующем? О созвездии Стрельца?

– Кентавр Хирон, – ответила Луиза. – Учитель Ясона, Ахилла, Асклепия и друг Геракла.

– И что там может ожидать?

– Не знаю.

– Жаль, – покачал головой доктор, – я надеялся, что вы немного облегчите задачу.

Луиза задумалась.

– Ловушка в первом зале была связана с Кроносом и Зев-

сом...

– Это понятно, – перебил ее Галер, – значит, и дальше нас могут поджидать похожие механизмы.

– Но почему они двигаются? Ведь этому зданию уже сто лет.

– Больше, – ответил Галер, – его построили в 1718-м по проекту молодого Ганнибала. Крылов говорил, что Прасковья Жемчугова показала ему записку царя Петра. Она нашла ее в папке с планом усадьбы Шереметевых. Но нам теперь эти сведения не так важны. Главное – выбраться отсюда...

– Главное – найти бумаги, – поправила Луиза.

Доктор быстро взглянул на нее.

– Послушайте, – сказал он, – ведь это мое дело. Я обещал помощь вашей бабушке не просто так, а за деньги. Хотя совершенно не уверен, получу ли их теперь.

– Получите, – поморщилась девушка, – теперь я – баронесса де Вейль. И как наследница бабки подтверждаю ее обещания.

– Но вам-то зачем это? – спросил доктор. – Вы могли просто остаться дома и распорядиться имуществом по своему желанию...

– Так надо! – отрезала девушка и выглянула в следующий зал: – Что это?

– Где? – встревожился Галер.

– С этой стороны стены – барельеф...

– Дайте посмотреть!

Галер ухватился за угол и как можно дальше высунулся наружу, стараясь разглядеть изображение на той стене, где они скрывались в проходе.

– О, – сказал он, – тут и я могу разобраться без особого образования. Мускулистый гигант в львиной шкуре – это точно Геракл.

– Да, – кивнула девушка сосредоточенно, – какое у него оружие? Дубина?

– Дубины нет, – сообщил доктор, – он держит в руках лук. Это странно?

– Плохо, – ответила Луиза де Вейль, – там – отравленная стрела.

– Глупости! – заявил доктор, возвращаясь. – Не существует таких ядов, которые могли бы продержаться сто с лишним лет и не испариться.

– Стрелы Геракла были смазаны ядом Лернейской гидры.

– Все равно. Это невозможно.

– Геракл случайно ранил своего друга, кентавра Хирона. Но тот был бессмертным и только страшно страдал. Так страдал, что отказался от вечной жизни и умер.

– Стрела... – задумчиво произнес доктор, – стрела... Дверь, наверное, находится прямо за статуей кентавра. Но сдается мне, как только мы подойдем к ней, откуда-то вылетит стрела... впрочем, если Крылов прошел тут полвека назад, то стрела уже должна была вылететь и сейчас валяться прямо у статуи. Однако ее там нет. Значит, есть способ из-

бежать этого выстрела. Жаль, что пыль скрыла все его следы, иначе мы могли бы проследить путь Ивана Андреевича.

Теперь они стояли плечом к плечу в проходе у самой кромки зала.

– Что вы еще помните из книг про эту историю? – спросил Галер.

Девушка указала на статую.

– Неважно. Смотрите, как стоит Хирон.

Правая передняя нога статуи была поднята, как будто он собирается шагнуть вперед, а на лице застыло мучительное выражение.

– Когда Геракл выпустил стрелу, она попала Хирону в ногу. Это может быть подсказкой? – Луиза повернулась к Галеру.

– Надеюсь.

Он шагнул вперед.

– Оставайтесь здесь, – приказал доктор. – Есть у меня одна мысль.

Не хватало еще, чтобы у девки снова случился припадок, который их погубит.

Доктор медленно прошел по ковру пыли несколько шагов, а потом остановился и оглянулся на барельеф Геракла, который теперь оказался у него за спиной.

– Дыра, – сказал ему голос, – осторожно!

– Дыра, – крикнул Галер громко. – Я вижу дыру, откуда должна вылететь стрела. Думаю, прямо возле статуи есть

точно такая же плита, как в зале Козерога. Если я наступлю на нее, то стрела вылетит и пронзит меня насквозь. Дыра, кстати, внушительная, вероятно, размер этого снаряда будет побольше оглобли. Думаю, мне надо держаться подальше от траектории ее полета.

Держась чуть сбоку, он приблизился еще ближе к статуе.

– Не подходите слишком близко! – крикнула Луиза.

Галер быстро взглянул на нее, ища признаки нервного возбуждения, которое могло предшествовать припадку. Но света не хватало, чтобы разглядеть лицо девки.

– И не собираюсь, – ответил Галер. – Возьмите наши мешки и идите по моим следам. Если я сумею открыть дверь в следующий зал, проход может закрыться и мы останемся без припасов.

Девушка послушалась. Скоро она уже стояла рядом со своим спутником.

– Вы в порядке?

– Да.

– Видите дыру? – спросил он.

– Вижу.

– Есть идеи?

Она указала на статую.

– Там небольшая щель. Как будто нога приделана отдельно.

– Рычаг? Может быть, – ответил доктор, – но только для чего? Если мы подойдем повернуть его, то точно окажемся

на пути стрелы.

– А если так?

– Куда вы! – закричал Галер, но было уже поздно. Девушка скользнула сбоку, вдоль стены к статуе, ухватилась за хвост и одним движением вскочила на лошадиный круп. Пересев поближе к человеческому туловищу Хирона, она крепко обняла его торс и громко чихнула.

– Ну и пыльно тут! – засмеялась она смущенно.

– Она убьет тебя в конце концов! – встревоженно сказал голос.

– Что вы творите! – возмутился доктор. – Я уверен, что Крылов решал эту загадку иначе – вряд ли он сумел бы так вскочить на спину статуи!

– Почему? – спросила Луиза.

– Потому что он был толстый и неповоротливый! Хотя...

Доктор подумал, что неповоротливым был только старый Крылов, умирающий в своем кресле, когда диктовал ему свою историю. Но так ли уж неповоротлив был молодой Иван Андреевич, не раз упоминавший о своей недюжинной силе и об участии в кулачных боях? Тем временем Луиза тянулась, пытаясь башмачком достать выставленную вперед ногу кентавра. Галер затаил дыхание, время от времени косясь в сторону барельефа с отверстием, опасаясь каждое мгновение, что вот сейчас с гулким стуком оттуда вылетит огромная стрела – выдержит ли торс Хирона удар этой стрелы?

– Черт с ней, – буркнул голос.

– Нет, – возразил Галер тихо. – Остаться тут одному? Ты сошел с ума.

Наконец Луизе удалось толкнуть ногу статуи. Она слегка повернулась в облаке пыли.

– Попробуйте еще! – крикнул доктор.

Девушка старалась – била башмачком, почти свесившись со статуи. Наконец рычаг был повернут до конца. Снизу снова слышался рокот, и пол мелко затрясся.

– Что мне делать? – крикнула Луиза весело, обнаружив, что статуя поворачивается.

– Не знаю!

– Прекрасно! Урок езды на кентаврах!

Она засмеялась – весело и заливисто.

Федор Никитич сморщился – ему не нравился этот смех. Злость снова возвращалась. Инстинктивно он коснулся кончиками пальцев кармана, в котором лежал флакон с настойкой.

Статуя повернулась и замерла, открыв проход в следующий зал. От поднявшейся пыли начал чихать и доктор Галер. Но он успел заметить, что Луиза собирается слезать с крупа кентавра, и закричал:

– Нет! Оставайтесь там!

– Почему? – удивилась девушка.

Доктор указал в открывшийся проход.

– Смотрите! Там, у стены!

В проходе лежала большая, позеленевшая от времени

медная стрела.

– Ловушка не перед статуей! Она где-то на пути к проходу, возможно прямо в нем. Погодите!

Он взял мешок и сумку девушки, примерился и мягко бросил их на пол перед собой. Ничего не произошло. Девушка внимательно следила за ним сверху. Галер засмотрелся на ее открывшуюся тонкую щиколотку и изящный ботинок с высокой шнуровкой.

– Куда вы смотрите? – спросила Луиза.

Доктор спохватился, шагнул к мешкам и снова бросил их на пол, стараясь оставаться сбоку. Снова – ничего. Так он добрался почти до прохода. Прижавшись к стене у самого угла, он переместил мешки на первую плитку коридора. И тут же раздался глухой звук – Галер оглянулся, но не успел заметить момент, когда большая медная стрела выметнулась из отверстия в барельефе. Пролетев у самого носа доктора, она со звоном ударилась в стену, запиравшую проход, и упала на пол. Снова послышался рокот, и преграда отошла в сторону.

– Ага! – крикнул доктор. – Вот как это действует! Стрела должна ударить в стену. Но если на ее пути окажется человек...

– Все понятно, – сказала девушка, соскальзывая со статуи и не переставая смеяться.

Они перепрыгнули через плитку-западню и посмотрели в следующий зал.

– Ого! – сказала Луиза. – Неожиданно.

Девушка посторонилась, и доктор увидел новый зал. У противоположной стены также стояла статуя – вернее, скульптурная группа. Да и не стояла, а скорее лежала. Она изображала любовное соитие огромного коренастого человека с молодой обнаженной женщиной.

– Я ждала Скорпиона, – хихикая, сказала Луиза и тут же согнулась в приступе хохота.

– Что? – спросил Галер.

– Ни... Ничего! Просто... я каталась на кентавре! На кентавре!

Она зажала себе рот и выпученными глазами уставилась на доктора. Потом сквозь пальцы прорвалось неудержимое фырканье, Луиза отняла пальцы и прохрипела, икая:

– Правда смешно?

1842 г. Санкт-Петербург. Дом графа Скопина

Федя застыл, чувствуя себя вором в чужом доме. Так оно и было – дом оставался для него чужим навечно, пусть даже отец здесь и жил когда-то.

– Саша? – растерянно повторил старый граф Иван Петрович. – Или... Кто ты?

Он подошел ближе и поднял свечу почти к лицу юноши. Немного наклонив голову, граф пристально смотрел из-под всклокоченных седых бровей.

– Кто ты? – спросил он уже строго. – На призрак не похож. Не смотри, малец, что я стар, однако по комнатам лазать не

позволю. Ты из дворни? Отвечай.

Федя кивнул.

– И что ты тут забыл, а? Или батогов захотел?

Юноша обиженно заморгал. И это произвело на графа сильное действие – мимика была так похожа на сыновнюю в минуту, когда тот в детстве готовился заплакать! Он схватил Федю за плечо.

– Отвечай мне по правде! Кто ты таков? – спросил он задрожавшим голосом.

Юноша сглотнул комок в горле и сдавленно ответил:

– Я сын Александра Ивановича. Из Читы.

Рука старика упала.

– Из Читы? – повторил он тихо. – У Александра в Чите родился сын?

Федор кивнул.

– А сам он? – прошелестел голос графа.

– Умер.

– Давно?

– Два года как.

Старик отошел и сел на кровать. Свеча в его безвольной руке свесилась так, что, казалось, сейчас выпадет.

– Хотите, чтобы я ушел?

Граф покачал головой.

– Нет.

Теперь Федя не знал, что делать. Старый граф молчал, погруженный в прострацию. Свеча в его руке продолжала

оплывать на тонкие пальцы, лицо сделалось болезненным, глаза увлажнились внезапными крупными слезами. Феде сделалось жаль старика.

Наконец Иван Петрович поднял голову.

– Мать твоя – кто? – спросил он. – Из крепостных? Венчана была или так...

– Мать моя, – с вызовом ответил юноша, – купца Залипушина младшая дочь. – Он не стал уточнять, что купец выгнал дочку, узнав о ее связи с ссыльным. – Венчались они.

Граф долго обдумывал ответ. Потом поднялся и положил Феде руку на плечо.

– Какую фамилию тебе дал отец?

– Свою. Записан Скопиным Федором Александровичем.

Старик вздохнул.

– Знаешь ли ты, что государь лишил моего сына всех чинов и званий, а также дворянского достоинства?

– Знаю.

– За что – знаешь?

– Да, – покорно кивнул Федя.

– Но! – граф поднял палец. – Мой Саша... он уже пострадал за свое преступление. Ты же в нем не повинен.

Он запнулся, губы его задрожали. Старик минуту боролся с внезапной слабостью, однако остался стоять на ногах.

– Утром, – продолжил он наконец, – я пошлю человека в Читу, чтобы он выписал из приходской книги и заверил у священника факт твоего рождения.

Он обнял одной рукой Федю, прижав его к себе. Юноша чувствовал, как содрогается тело старика.

– Ложись спать здесь, – прошептал он. – Все остальное – завтра.

Он отстранился, снова посмотрел прямо в лицо внуку, развернулся и вышел.

Федя остался стоять в темной комнате, оглушенный гулким биением сердца. Потом детские слезы поползли из глаз – не горя и не радости, – это были слезы страшного нервного напряжения, которое хлынуло в душу и затопило ее. Он не помнил, как добрался до кровати и рухнул на нее не раздеваясь. Федя думал, что не уснет от избытка чувств, он все время вспоминал о своем разговоре с графом, но постепенно образ старика стал расплывчатым, его слова начали путаться, и Федор уснул.

Обитель

– Дайте мне воды, – потребовала Луиза. Они сидели в коротком коридоре, ведущем в третий зал – с парой, переплетенной в любовных объятиях. Доктор передал девушке фляжку, предупредив, что воду надо экономить. Луиза сделала три глотка и вернула флягу Галеру. Тот отпил один глоток. Приступ неестественного веселья прошел.

– Но это глупо! – сказала Луиза.

– Что?

– Чтобы пробраться внутрь, надо пройти лабиринт, так?

Доктор кивнул.

– Но если внутри находился пленник, то как они носили ему еду? Каждый раз проходили весь лабиринт?

Галер замер. Такая простая мысль не приходила ему в голову.

– Конечно! – пробормотал он. – Конечно! Есть короткий путь по берегу! Боже, какой я идиот! Все так просто! Однако... Понять это можно, только оказавшись внутри лабиринта. Обитель – это ловушка, ничего более!

– По берегу?

– А что приводит в действие все эти статуи? Что может служить силой для каменных механизмов? Только течение воды! Я уверен, что на месте Обители была быстрая небольшая речка, которая вливается, например, в Язу! Ее заключили в каменное русло, возможно сузив – чтобы убыстрить поток. А уже сверху построили само здание. Если бы мы наняли лодку и прошли по местным речкам, то могли бы отыскать то место, где это течение выходит наружу – там и будет ход внутрь Обители! Но знаете, что самое страшное?

– Что?

Галер болезненно скривил губы.

– Возможно, из этого лабиринта и вовсе нет хода наружу. Зачем? Если это – не путь внутрь, значит, выхода может не оказаться вовсе.

Девушка задумчиво потерла свой грязный подбородок.

– Но, как я понимаю, – сказала она тихо, – кто-то уже про-

шел Обитель и выбрался наружу...

– Крылов! – кивнул доктор. – Если это правда. Мне он рассказывал, что Обитель была разрушена пожарами. Но та первая стрела доказывает, что он все же прошел здесь! Неопровержимо доказывает.

Луиза пнула ботинком первый медный кол.

– Я хочу понять, зачем... – она запнулась, но потом продолжила, – зачем бабка мучила меня всю жизнь этими книгами. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что узнали от нее. Слышите? Иначе я больше никуда не пойду!

– Хорошо. Но рассказ будет долгим, – предупредил доктор, – а нам надо спешить.

– Ничего. Начните. А потом мы пройдем и этот зал.

Галер скользнул по стене и сел прямо на камни пола, не обращая внимания на пыль.

– В ту ночь она начала рассказ с вызова к Екатерине. Императрица поведала ей про «Нептуново общество».

1794 г. Зимний дворец

В спальне императрицы по углам стояли две толстые, как башни, печи, обложенные зеленой голландской плиткой и топившиеся из соседних комнат. От печей шел жар, но покойной царице все равно было холодно.

– Слушай внимательно, девочка моя, – сказала Матушка. – Меня очень беспокоит вся эта история с «Нептуновым обществом». Покойный Шешковский, глава Тайной канце-

лярии, клялся, что в Москве никакого такого общества больше нет и в помине. Но ведь деньги, которые мы отсылаем, все равно исчезают! Кто же их берет? И на что тратит?

– Вы хотите, чтобы я узнала? – спросила Агата.

– Нет! Вот еще! – фыркнула императрица и почесала между когда-то пышных, а теперь обвислых, покрытых растяжками грудей. – Если я пошлю тебя с таким поручением, то через час об этом будет говорить весь двор! Все – от Нарышкина до моего «Чернявого», – начнут за тобой бегать и вынюхивать – что да почему я поручила, есть ли какой в этом второй и третий смысл! Шутка ли! Сейчас каждый во дворце интригует либо за Павла Петровича, либо за Александра, либо за черта лысого – и думают, что я не знаю! Конечно, пристально следят за мной – что я сделаю, как я скажу... как помочусь, – все следят, чтобы им пусто было! Дожить спокойно не дают.

– Матушка! – насупилась девушка.

– Поэтому, – оборвала ее Екатерина, – я переговорила с Архаровым. Он ведь прежде был обер-полицмейстером в Москве. Архаров, как и Шешковский, побожился, что никакого «Нептунова общества» в Москве нет, а Николаю Петровичу, что касается Первопрестольной, я доверяю, потому как в Москве он каждую собаку по имени-отчеству знал. Я попросила у него дельного агента... кого не жалко, если что случится... чтобы отправить в Москву и произвести розыск. Только по одному вопросу – куда деваются деньги. И знаешь,

кого он мне присоветовал?

– Кого, Матушка?

Императрица довольно хмыкнула.

– Молодого литератора Крылова!

– Кого?

– Крылова! Журнал «Почта духов», помнишь?

– Нет.

– А зря! Он талантлив. Но только по части шуток и резкости. Нет в нем настоящей глубины. Однако Архаров сообщил, что Крылов... если не касаться его писанины, во всем остальном не глуп, у него хороший математический ум, достаточный, чтобы сложить два и два, получив в результате четыре. И не смейся, по нынешним временам не многие способны даже на это! Но молодой человек оказался заядлым игроком. Будучи совсем юным, крупно разорился в карты, тут-то его Николай Петрович и сцапал. Одолжил Крылову крупную сумму, а потом попросил рассказать про одного человека...

– Как просто, – улыбнулась Агата.

– Да, девочка моя, это не ваши придворные интриги. Там, в мире, все гораздо проще! Так вот, сегодня я дам задание этому самому Крылову Ивану Андреевичу. И он поедет в Москву. А за ним поедешь ты.

– Так, – склонила хорошенькую головку Агата.

– Говорят, что молодой Крылов неопрятен, толст и даром что на шутки остер, однако сварлив в обычной жизни. То

есть – не подарок, конечно. В Москве ты его перехватишь. Я не стану скрывать от двора, что посылаю его – правда, не как агента Архарова, а как... как моего личного агента, не связанного ни с какой придворной партией. И к чему это приведет?

– К чему, Матушка?

– К тому, что все партии тут же приставят к нему соглядатаев. Твое же дело их опередить. Стать пастушкой при стаде. Раз я не могу скрыть свои действия, то сыграем в открытую, но имея на руки козырь – тебя. Ты раньше всех возьмешь Крылова в оборот и ограничишь остальным доступ к нему. Им придется действовать под твоим присмотром!

– Так, поняла.

– Ничего ты еще не поняла, дурища молодая! – возразила императрица и с трудом села на кровати. – Это только половина работы. Основная твоя задача – приглядывать за Крыловым. Если Архаров прав и Ивашка этот силен в логике, он может увлечься расследованием. И даже хорошо! Предположим, что никакого «Нептунова общества» нет, а деньги просто кто-то ворует. Меня такой результат вполне устроит. Я запрещаю высылать золото – и все. Но если и Шешковский, и Архаров окажутся не правы... если это общество... эта ложа все-таки действует... Ты понимаешь, что это значит?

– Что, Матушка?

– Что какие-то люди сумели обмануть лучших и самых доверенных моих полицейских! И вполне вероятно, что тай-

на, ради которой они скрывают свое существование, может быть очень вредной... или очень полезной для меня. Но это я так... сама не верю, но не могу не опасаться. Подай мне лимонада!

Агата подошла к низкому столику слева от кровати, налила из графина воды с сахаром и лимоном и отнесла тонкий стеклянный бокал Екатерине. Та долго пила, а потом откинулась снова на подушки, не выпустив бокала из скрюченных подагрой пальцев.

– Ты, вертихвостка, еще слишком молода, конечно, чтобы самой догадаться, как быстро привязать к себе человека вроде Крылова.

– Ну... – начала Агата.

– Не нукай, я не лошадь. Конечно, можешь строить ему глазки и даже предложить сразу в постель... Но, думаю, Крылов не совсем уж дурак – сразу поймет, что тебя кто-то подослал. Здесь надо другое. Если он любит математические загадки, подбросим ему одну. Тебе надо сразу раскрыться. Назовись... хоть шпионкой канцлера Безбородко. Только не впрямую! Намекни! Сделай вид, что ты глупа, а он умен. Придумай сама как! Пусть он поработает головой и придет к выводу, который будет правильным, но не совсем. Когда Крылов почувствует, что переиграл тебя, заяви, что сдаешься, но при этом – не можешь не выполнить задание. Так ему прямо и скажи – мол, вернуться не могу, что хочешь, то и делай, а я буду с тобой. К этому моменту, я чаю, вокруг него

соберется уже достаточно других шпионов, так что Крылову будет проще общаться с тобой.

– Почему?

Екатерина вздохнула.

– Он будет чувствовать, что умнее тебя. И сильнее тебя. Что ты уже не опасна. В Москве ему не на кого будет опереться. А рядом молодая и красивая девчонка... Тут игра тонкая, Агаша. Ты сначала должна быть наивна... потом, когда пообвыкнет к тебе, покажи ему, что не так уж и глупа. Чтобы ему стало приятно и интересно с тобой говорить. И не забывай подманивать чисто по-женски. Поняла ли?

– Да, Матушка.

– Сложно?

– Сложно. Но, думаю, справлюсь.

Лефортово

Доктор Галер усмехнулся.

– Да уж... Судя по тому, что диктовал мне Крылов, справились вы ловко! При первой же встрече представились поклонницей его таланта и тут же перепутали труды своего «кумира» с повестью Карамзина! Причем самой известной, о бедной Лизе! Это действительно выглядело глупо!

– Мало того, – сухо улыбнувшись, ответила Агата Карловна, – я ведь заранее узнала, что Крылов очень пренебрежительно отзывался о Карамзине и его последователях. О, это была хорошо подстроенная глупость! Как он надулся! Как

покраснел! Партия была разыграна точно по Матушкиным нотам.

Надо сказать, первое впечатление от него было... представьте себе большого поросенка с человеческим лицом, стоящего на двух задних ногах. Да еще одетого в пальто и при шляпе. Нет, безусловно, позднее я узнала, что Иван Андреевич умен, хоть и тщеславен. Но до конца не могла избавиться от впечатления, что разговариваю с хряком, который только притворяется человеком! Крылов, кажется, совершенно серьезно подумал поначалу, что столкнулся с почитательницей своего таланта. И даже пригласил меня на обед в какой-то ну совсем древнерусский московский трактир...

– «Троицкий»! – подсказал Галер, запомнивший похвалы этому чудесному месту от Ивана Андреевича.

– Да... наверное... там что ни половой – вылитый протопоп Аввакум! Бородатые... допотопные... И кошмарный запах щей!

Она постучала пальцем по строкам, написанным быстрым, но понятным почерком доктора Галера.

– Воняло щами! – заявила баронесса. – И надо благодарить Бонапарта вместе с идиотом Ростопчиным, которые спалили ту старую, провонявшую щами Москву! На ее месте хотя бы построили чуть более приличный город!

– Но этот дом, в котором мы сейчас находимся, уцелел, – сказал Галер.

– Еще бы! – проворчала старуха. – Если бы вы знали, чего

мне это стоило!

– Вы были здесь при французах? – удивился Галер.

– Именно здесь. И именно в этом доме. Итак, все сложилось просто прекрасно! Я вовремя перепутала его с Карамзиным. Крылов триумфально, глядя сквозь семгу, изобразил меня как шпионку канцлера Безбородко! Я изобразила оскорбленную невинность и намекнула, что готова исправить свой промах в постели. Но Иван Андреевич оказался не готов к такому повороту. А жаль, потому что искреннее раскаяние, совмещенное с упоительными ласками, привязывает мужчину сильнее шелковой веревки!

– О боже, – пробормотал смущенный доктор Галер. – Однако Крылов рассказывал мне, что не поддался вашим чарам, потому как разочаровался в женщинах.

– Разочаровался? – воскликнула престарелая баронесса. – Да он просто пережрал семги! Вы посмотрите сами, какие у него описания собственных трапез – просто Лукулл! Гаргантюа вместе с Пантагрюэлем пускали бы слюни за таким столом!

– Мне казалось, он был очень серьезен в своем отрицании любви.

Старуха пожала плечами.

– Может быть, позднее... Но я уверена, что в тот день я не смогла завлечь его в постель просто потому, что вся кровь будущего баснописца прилила к желудку, чтобы переварить тяжелую московскую пищу. И потому только не пробралась

через этот затор ниже, к его чреслам!

– О, какая вы, – покачал головой Галер, чувствуя, как невольно начинает улыбаться.

– И хотя на следующий день он сбежал от меня в Сухареву башню, искать, каким способом мешки с золотом пропадают из тайника, я совершенно была спокойна – ведь он поехал туда с Афанасием, который позже донес мне, что привезенный из казны мешок с деньгами падал в хитро устроенную дыру. А из нее по тоннелю улетал на улицу, где в условленное время его должны были ждать члены «Нептунова общества».

– А на самом деле грабитель, случайно узнавший тайну во время чумы 71-го года, – закончил Галер, – которого ваш Афанасий просто придушил в темном переулке.

– Да, – кивнула Агата Карловна, – и, казалось бы, на этом розыск Крылова заканчивался. Иван Андреевич должен был вернуться в Петербург и рассказать, что деньги можно больше не присылать, потому как адресат помер более двадцати лет назад, и с тех пор императорская казна ежегодно обогащала ловкого грабителя, ставшего трактирщиком, благодаря золотым, которые буквально падали ему с неба! Узнав от Афанасия про произошедшее, я тут же отписала Матушке, что «Нептуново общество» существовало до 1771-го. Значит, Архаров мог и не знать про него – он был назначен обер-полицмейстером уже после того, как граф Орлов усмирив московскую чуму. Но потом, уже отослав с Афанаси-

ем доклад в дом генерал-губернатора, откуда мои письма отправлялись в столицу с курьером, я неожиданно подумала... Перед смертью придушенный Афанасием субчик рассказал, что ранее императорские золотые для «Нептунова общества» передавались по одному и тому же адресу.

– В дом в Лефортово, – кивнул Галер, – в этот самый дом, который вы потом выкупили...

– Каково же было мое изумление, когда я поняла – Крылов тоже собрался найти конечный пункт доставки мешочков с золотом. Зачем? Свое дело он выполнил. Вероятно, тут проснулся обычный интерес литератора – закончить сюжет, не бросать его на полдороге. Я почувствовала, что события начинают выходить из-под контроля. К этому моменту к нам уже прибился несчастный Гришка – шпион братьев Зубовых, изображавший камердинера Крылова. А потом появился и настоящий агент Безбородко – безумный сорвиголова Крюгер, бывший драгун и вор, взявший Ивана Андреевича в настоящую осаду. Гришку мне удалось укоротить, пообещав, что Матушка с него три шкуры спустит, если он не станет подчиняться. Но вот Крюгер оказался настоящим идиотом – он думал, что Крылов ищет какие-то деньги... чуть ли не тайную казну Петра Алексеевича. Вероятно, Безбородко увидел в нем наглость, но свое сумасшествие Крюгер сумел каким-то образом скрыть. То есть, как и предсказывала Матушка, шпионы начали прибывать целыми толпами...

Баронесса отпила остывший чай, чтобы промочить пере-

сохшее от рассказа горло.

– И вот на следующий день мой толстый голубчик отправился на поиски этого самого дома в Лефортово. А я, чувствуя, что может произойти нечто важное, взяла извозчика и отправилась следом. И не зря!

3

Зал Скорпиона

Обитель

– Наш дом в Лефортово... – пробормотала Луиза. – Неужели?

Она подняла вопросительный взгляд, и доктор кивнул.

– Ваш дом. Баронесса выкупила его. Теперь же давайте подумаем, как пройти через этот зал, – он указал на статую, – что вы знаете об этой парочке?

Девушка хмуро посмотрела на мраморное переплетение тел.

– Если я не ошибаюсь... – начала она, – это Орион, сын Посейдона.

– Почему?

– Скорпион! Он упоминается в легенде об Орионе. Но есть несколько вариантов этой легенды. По одной скорпиона послала Артемида, а по другой – сама Гера.

– Зачем? – удивился Галер.

Девушка покраснела под слоем пыли, покрывавшим ее лицо.

– Орион был... любвеобильным и преследовал всех женщин вокруг. По первой версии он хотел изнасиловать одну из приближенных Артемиды, а вот по второй он овладел

самой богиней охоты, а Гера решила его наказать. Он был неистов...

– Понятно, – кивнул Галер.

Он осторожно выглянул за угол, стремясь обнаружить на противоположной стене изображение скорпиона, точно как в прошлом зале – изображение Геракла, но стена была пуста.

– Что? – спросила Луиза, когда он вернулся обратно в коридор. Доктор помотал головой.

– Ничего. Есть еще какие-то детали, которые вы забыли упомянуть?

Он подумал, что молодая девушка, жившая затворницей под строгим надзором бабки, должна была с особым интересом читать историю про необузданного мужчину.

– У него была большая медная дубина, – смущенно ответила девушка.

– Большая дубина... – рассеянно пробормотал Галер, взглядываясь в скульптурную группу. – Полагаю, что эта женщина – Артемида.

– Почему?

– Взгляните на ее выражение лица. На нем нет отвращения. Эта женщина отдается вашему Ориону... – тут Галер смутился, – по собственной воле, – закончил он быстро. – Простите... Но это не изнасилование...

Луиза встала у самой кромки зала и долго всматривалась в женскую головку.

– Да, – сказала наконец девушка.

Галер искоса бросил взгляд на ее лицо. Что на этот раз происходило в голове Луизы де Вейль? Как бы то ни было, надо выбираться из этого коридора. Он сделал шаг вперед.

– Куда вы? – спросила девушка, очнувшись.

– Вперед. Нельзя же все время стоять на месте.

– Слышите?

Они оба замерли. Издалека раздался приглушенный удар. Галер вздрогнул, опасаясь, что вот сейчас сработает очередная ловушка. Но некоторое время продолжалась тишина. Потом – новый приглушенный удар.

– Что это? – встревоженно спросила Луиза. – Гром?

– Это не гром. Это хуже, – сказал голос.

– Нет... Кажется, это бьют в стену снаружи. Возможно, тот офицер приказал им ломать стены Обители!

– Зачем?

– Не знаю... Но ничего хорошего в этом нет. Стены тут крепкие, однако...

– Нам надо спешить, – твердо сказала девушка, подхватила свой мешок и шагнула вслед за доктором.

Галерная набережная

Сэр Чарльз Стюарт, барон де Ротсей, посол Британии в Российской империи, сидел в своем большом кабинете в доме на Галерной набережной, покачивая ногой в белоснежном чулке, и хмуро смотрел на секретаря Грегори Спайка. Тот, склонившись над столом в углу, быстро писал пись-

мо, время от времени стремительно, но точно макая перо в массивную медную чернильницу. Наконец Спайк закончил, пробежался глазами по тексту, аккуратно присыпал бумагу тончайшим песком, подождал немного и ссыпал его в корзину у ножки стола.

– Гриф?

Сэр Чарльз кивнул.

– Совершенно секретно.

Он проследил, как секретарь положил отчет в большую папку коричневой кожи и, достав из кармана крохотный ключик, запер ее на замочек.

– Хорошо, – сказал сэр Чарльз, – вернемся к делу Брюсов. Подай мне бумаги из бюро.

Получив старые пожелтевшие листы, посол уже в который раз просмотрел их, освежая в памяти. Бумаги пришли недавно по его запросу – архив сэра Чарльза Уитворта, исполнявшего обязанности посла в Петербурге в конце прошлого столетия.

– Вот, – барон ткнул пальцем в строчку, – при всех своих талантах граф Уитворт просто не мог придать никакого значения этой информации.

– Простите, сэр? – подал голос Спайк.

– Ты должен знать это, Грегори, потому что мне понадобится твоя помощь. Но! – сэр Чарльз строго взглянул на секретаря. – Храни тебя Бог, если хоть что-то из услышанного ты сболтнешь! Это не только моя тайна, но и государствен-

ная.

Спайк поклонился.

– Да, – кивнул посол. – Уитворт не мог понять ценности одной фамилии, которую упомянул в отчете. Потому что он не Стюарт, как я. Послушай, я прочту тебе это место.

Он вынул из кармана тонкий серебряный футляр для пенсне, щелкнул крышкой и водрузил на нос прозрачные стекла в едва заметной оправе.

– Итак. «Салтыков в октябре сего года упомянул как о незначительном событии поездку в Москву молодого литератора Крылова, которому поручено разыскать некое «Нептуново общество», масонскую ложу, в которой состояли еще царь Петр и его ближайший круг сановников. Впрочем, Салтыков пояснил, что общество это со смертью царя распалось. Мне представилось странным, что императрица Екатерина посылает доверенного человека искать следы давно исчезнувшей логи. И я попросил наших коммерсантов в старой русской столице проследить путь Крылова. Они в этом преуспели очень плохо. Но через два месяца я все же получил от них отчет. Крылов поселился в московской гостинице «Троицкая». Потом его якобы видели ночью у Сухаревой башни. Далее он поехал в Лефортово, где искал дом местных дворян Ельгиных. После следы эмиссара императрицы были потеряны. Однако он возвратился в Петербург. А теперь во дворце ходят слухи о том, что Екатерина решила возродить эту ложу под своим командованием. Так что, вероятнее все-

го, Крылов посещал Москву, чтобы найти старые документы с обрядами и клятвами членов ложи. Я полагаю, что Екатерина таким образом хочет подчеркнуть свою связь с царем Петром и преемственность его политики».

Сэр Чарльз аккуратно снял пенсне, положил его в футляр и убрал в карман.

– Фамилия «Ельгины» Уитворту, конечно, ничего сказать не могла, – продолжил он, – но я уверен, что это – искаженное шотландское «Элгин». И вот почему меня это так заинтересовало. Среди главных соратников царя Петра было двое Брюсов. Джейкоб и Вильгельм. Это ветвь тех самых шотландских Брюсов, которая происходит от короля Роберта Первого Брюса. Ветвь достаточно боковая, но королевская кровь – не вода. Тем более что мой предок, шестой лорд-стюарт Уолтер, был женат на его дочери. И их сын, то есть другой мой предок, Роберт Второй, унаследовал трон Шотландии.

– О сэр! – почтительно произнес Спайк.

– Ну, это не секрет, – слабо махнул рукой сэр Чарльз. – Потом были и другие короли Стюарты – Роберт Третий, Яков Первый, Второй, Третий, Четвертый и даже Пятый. Пять Яковов! Но вот как раз дочь Якова Пятого – это знаменитая Мария Стюарт. В ней текла кровь не только нашей фамилии, но и Генриха Седьмого – она была его правнучкой. И когда династия Тюдоров прервалась, ее сын, уже Яков Шестой, объединил шотландский и английский престолы. Да!

Ведь и несчастный король Карл, казненный Кромвелем, и его сын Карл Второй – все они – ветви рода Стюартов и Брюсов. Но вот цифра семь почему-то стала для нас неудачной. Яков Седьмой был изгнан. А потом и последние Стюарты были оттеснены от трона Ганноверами.

– Печально, мой лорд, – сказал секретарь.

– Ну! – холодно улыбнулся сэр Чарльз. – Даже самое крепкое дерево засыхает от старости. Но вернемся к Элгиным. Ты бывал там?

– Там?

– Я имею в виду город Элгин в графстве Мори на северо-востоке моей родины, – пояснил сэр Чарльз. – Там раньше была прекрасная охота. Королевская охота – даже печально прославленный Макбет, по преданию, любил там устраивать облавы на оленей. И, конечно, там были и король Брюс, и его потомки из рода Стюартов. Кто-то из них получил титул Элгинский. Они даже как-то разрушили город, но не во время охоты, а из-за ссоры с епископом Морийским. И там же в середине прошлого века якобиты попытались возвести на престол Чарльза Эдуарда Стюарта, правда, после несчастного сражения при Куллодене вся эта затея пошла прахом. А герцог Камберлендский уже в отместку нам снова стер с лица земли Элгин. Да, несчастный городок. Там сейчас пусто... Но все это так... я хочу подчеркнуть вот что – откуда в России могут быть дворяне с фамилией Элгин?

– Не знаю, мой лорд, – ответил секретарь.

– Ну как же! – досадливо поморщился посол. – Ты не слушал, что я говорил в самом начале?

– Русские Брюсы?

– Вот именно! Только через ту ветвь, которая осела в России при царе Петре! У Романа были дети – все рожденные в законном браке. Правда, этот род потом пресекся, но мы за ними следили. А вот Яков Брюс – официально он – бездетный. Но много времени проводил в Москве. И там же вдруг находятся некие Элгины... и кстати... вот еще одна странность. Брюс, «Нептуново общество», Сухарева башня, дом неких Эльгиных...

Спайк встал.

– Вы хотите, чтобы я отправился в Москву и выяснил, что их связывает? Но прошло уже почти полвека.

– Нет, – ответил сэр Чарльз, – тебе не надо никуда ездить. Я думаю, ты вполне можешь действовать в этой ситуации руками наших молодых друзей.

– «Дети декабря», сэр?

– Ведь это была твоя идея?

– Я просто сформулировал то, о чем рассуждали вы, сэр.

– Нет-нет, – улыбнулся сэр Чарльз, – мне бы и в голову не пришло именно так использовать твоего знакомого из Третьего отделения. Надеюсь, он вне подозрений?

– Совершенно, – кивнул Спайк, – я стараюсь не утруждать его больше необходимого. Он все так же получает плату за свою дружбу со мной. И делится копиями бумаг.

– Отлично! Пусть в России действуют русские, – улыбнулся сэр Чарльз. – Я, конечно, не собираюсь устраивать тут переворотов, как Уитворт, но вынужден признать, что задуть Павла руками гвардейских офицеров – это был гениальный ход. Дерзко. И, кажется, недорого. Как ты думаешь, мне придется сильно потратиться на этот фокус с «Детьми декабря»?

– Ровно столько, сколько будет стоить один лист бумаги, сэр, – спокойно ответил Грегори Спайк.

1843 г. Санкт-Петербург

Федя шел быстрым шагом, опасаясь, что, если хоть чуть-чуть промедлить, решимость уйти из отцовского дома заставит его повернуть назад – в объятия старого графа, в новую, безбедную жизнь с мягкой постелью, шелковыми рубашками и прислугой. Да, попав в столицу, он мечтал об этом, хотя и полагал, что мечте не суждено сбыться. Но она сбылась – неожиданно и... горько.

Юноша старался не думать о разочаровании, которое постигнет старика, когда утром он не обнаружит внука – наверное, граф рассердится – шутка ли! Ведь он пообещал Феде новую жизнь и свое покровительство! Ну и пусть! Молодой человек шел по улице насупленный, пытаясь понять свои чувства к графу. И не находил в душе ничего. Родная кровь не отзывалась на воспоминание о старике в длинной белой рубахе. Хуже того, он вызывал в юноше раздражение. Как

старик мог так легко отправить собственного сына в ссылку, отказаться от всяких отношений с ним? Ни одного письма за столько лет! Ни одной посылки!

В голове все еще плавали остатки повторяющегося сна, который и решил все дело – умирающий отец и мать, застывшая, заледеневшая в отчаянии. Где был этот старик, когда они перебивались с хлеба на воду? К чему его нынешние подачки – этого чужого дряхлого человека, неужели ими он захотел расплатиться с ним, Федей, за все то зло, которое сам же и сделал их семье?

Юноша шел наугад, переходя по мостам над узкими каналами. Петербург еще только просыпался. Пахло дровяным дымом – дворники и челядь топили печи, выстудившиеся после ночи. Навстречу медленно ползли полотняные фургоны и телеги с битой птицей, свежим хлебом и прочей снедью для лавок. Федя обогнул трех заспанных прачек с большими корзинами – они шли к ближайшей пристани стирать белье. Извозчики целыми вереницами, покинув артельные дома на окраинах, направлялись к биржам, своим стоянкам, где их нанимали для поездок. Приказчики снимали замки с дверей лавок и изнутри отворяли тяжелые ставни, закрывавшие небольшие стеклянные витрины со всякой всячиной.

Федор подумал, что у него нет денег, города он не знает и не представляет себе, на что и как дальше жить. Возвращаться в Читу он не хотел, из отцовского дома сбежал. А живот уже начало подводить от голода. Тут сильный удар сбоку

сбросил юношу прямо на булыжную мостовую.

– Куды прешь, шайтан! – гаркнул чей-то высокий голос. – Совсем глаз потерял?

Потирая ушибленный локоть, Федя поднялся и посмотрел на кричавшего старика-татарина, с трудом поднимавшего упавшую набок тачку – по панели рассыпались вязанки тряпок, ржавые котелки и чайники, кости и коробки. Он только что выкатил ее из арки.

– Прости, дядя, – пробормотал Федя и бросился поднимать добычу старьевщика. Тот поначалу замахнулся, подумав, что молодой человек пытается украсть его вещи, как уже не раз случалось, но потом придержал кулак – все равно никакого проку не вышло бы, – юноша был выше и явно сильнее его. Настороженно глядя на то, как Федя складывает старье обратно в тачку, старик спросил:

– Ты кто?

– Я? – удивился юноша. – Федор Александров. По фамилии Скопин.

– Ну-ну. А чего бежишь? Украл что-то?

– Нет.

– Смотри мне! – погрозил старик-татарин и взялся за ручки тачки, отполированной до черного блеска. Кряхтя, он начал толкать ее вдоль по улице. Федя смотрел ему в спину, а потом догнал.

– Дядя, – сказал он. – А не найдется у тебя работы? Мне и денег не надо много – только на пропитание.

Татарин остановился, поставил тяжелую тачку и хмуро посмотрел на юношу.

– Чего?

– Давай я покачу тачку-то, – сказал Федор, – тяжело тебе. Ты старый.

– Хм... – старьевщик задумался, – а ты не беглый? Мне беглые не нужны.

– Нет, – отозвался Федя, – я из Читы пришел. Отец у меня умер.

– Ладно, – решил старик, – тяни тачку-то. Сдам товар и по дворам пойду. Хорошо будешь тянуть – дам тебе место. Мне как раз человек нужен. Но если пить будешь или воровать – бить буду.

Федя перекрестился.

– Вот тебе крест, не буду ни пить, ни воровать.

Старик поморщился.

– Э! – сказал он. – Тоже мне!

Обитель

Галер указал на потолок.

– Видите?

Девушка задрала голову. На потолке прямо посередине виднелся длинный прямоугольник.

– Что это? – спросила она.

– Не знаю. Но других опасностей я пока не вижу, – ответил доктор. Стены чистые, ни барельефов, ни рисунков. Только

эта скульптура, которая наверняка закрывает проход в следующий зал.

– Никаких следов Скорпиона, – задумчиво произнесла девушка. – Вы видели живых скорпионов?

– Нет, только сушеного. Он маленький. Жалит хвостом.

Луиза внимательно стала смотреть себе под ноги.

– А долго они живут?

Галер хмыкнул.

– Думаете, Ганнибал засадил в стены живых скорпионов, которые должны выбежать и ужалить нас? Не беспокойтесь. Если тут и были скорпионы, то они давно издохли. Тут только мыши. Вы боитесь мышей?

– Нет.

– Обычно девушки боятся мышей, – усмехнулся голос.

– Стойте! – сказала Луиза. Галер застыл на месте. Она ботинком стерла пыль с плиты, на которой стояла.

– Смотрите!

На камне были изображены волнистые линии.

– Волны? – спросил доктор.

– Вода. Посейдон дал своему сыну Ориону дар ходить по воде как по суше.

– Хм, – пробормотал доктор, – где-то я это уже слышал.

Была бы тут метла...

Он с кряхтением присел на корточки, вынул из кармана грязный галстук и принялся снова сметать им пыль с плит пола.

– Слишком просто, – сказал голос.

– Слишком просто, – согласился доктор, – слишком очевидно. Предположим, что мы найдем дорожку из камней с изображением воды. И она ведет прямо к скульптуре. Если бы я был грабитель, то пошел бы именно по ней, предполагая, что это – верная тропа. А вот на месте Ганнибала одну из плит я сделал бы ловушкой. Грабитель расслабится – и тут...

До переплетенных каменных тел оставалось всего несколько шагов. Луиза пожалала плечами.

– И что нам делать? Снова бросать мешки перед собой?

– Во всяком случае, это самый очевидный путь.

Он повернулся к ближайшей очищенной от пыли плитке с волнообразным узором и приготовился опустить на нее мешок.

– Стойте! – быстро сказала Луиза. Доктор замер с вытянутой рукой. – Стойте! Это третий зал!

– Да, – кивнул Галер, чувствуя, как рука, державшая на весу мешок, стала медленно опускаться.

– Здесь двенадцать залов. Если Обитель имеет форму квадрата, значит, на каждой стороне должно быть по три зала, понимаете? Мы вошли почти посередине здания. Мне кажется, этот зал – последний. Здесь дом поворачивает направо, а значит, дверь...

Галер наконец устал держать мешок и поставил его на плитку.

– В другой стене, – сказал он, – справа от нас. Но я ничего

не вижу в ней. Здесь уже темно, надо достать лампу...

С глухим стуком плита, на которую он поставил мешок, просела.

– Черт! – крикнул доктор. – Черт! Потолок!

Он не успел – что-то массивное промелькнуло перед Галером, обдав его потоком воздуха, и со скрежетом остановилось.

– Лиза! – прошептал доктор. – Лиза, вы меня слышите?

Фонтанка, 16

Леонтий Васильевич Дубельт зажег лампу. «Партия еще не закончена», – сказал Крылов. Что он имел в виду, черт бы побрал этого издыхающего бегемота? Дверь кабинета слегка приоткрылась, и адъютант негромко произнес:

– Леонтий Васильевич, к вам Адам Александрович.

– Конечно!

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел руководитель Третьей экспедиции Адам Сагтынский. Официально, правда, он не состоял в Третьем отделении и являлся прикомандированным чиновником, но это не помешало ему совершенно естественно и без каких-либо пререканий взять на себя то, чем он занимался уже много лет, – внешнюю разведку. Правда, уже не военную, а политическую. Высокий и очень худой, с каким-то ястребиным лицом, он был совершенно седым. И хотя Адаму Александровичу было уже 58 лет, Дубельт знал, что эта рано появившаяся седина – результат ужаса, пережи-

того Сагтынским во время плена в 31-м году, когда восставшие поляки захватили его в Белостоке и пытали. Сагтынский никогда не упоминал о характере этих пыток, но Бенкендорф когда-то сказал, что они прижигали гениталии Адаму Александровичу раскаленными на огне штыками. Именно этим якобы и объяснялось его совершенное равнодушие к прекрасному полу. Сагтынский жил в своем доме с двумя сестрами, одна из которых была слепа. Он трогательно заботился о сестрах, но больше никаких женщин в доме не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.